

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
г. ТОМСКА
МБ «Сибирская»

Томское купечество

Краеведческий дайджест

Томск, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Асташев	4
Гадалов	7
Горохов	9
Еренев	13
Королев	16
Кухтерины	21
Михайлов	29
Сосулин	34
Тецков	36
Фуксман	40
Хамитов	41
Список использованной литературы	45

Славен был деловыми людьми старый Томск. В Томской губернии в начале нашего века насчитывалось около 10 тысяч фабрик и небольших заводиков. "Король извоза" Евграф Кухтерин, составивший этим промыслом свое состояние, купцы-золотопромышленники Иван Асташев и Философ Горохов, купцы-предприниматели Второв, "Вытнов с сыном Петром", Гадалов, Ерлыков, Сосулин, Фуксман, владелец лучших бань в Томске А. Ф. Громов, ресторатор В. Л. Морозов, книготорговец П. И. Макушин и многие другие деловые люди нашего города производили, привозили, обменивали, распределяли товары в губернии, что, конечно же, способствовало быстрому обороту капитала и его накоплению.

Асташев

Известный в России золотопромышленник И. Д. Асташев (1796—1869), который единственный из томских золотопромышленников не вступил в свое время в купечество, но по характеру своей деятельности был к нему близок. Довольно часто деятельности золотопромышленника в Томске предшествовала карьера чиновника. За время службы приобретались многочисленные полезные для дела связи среди местного и столичного чиновничества, наработывался ценный в России опыт службы в госаппарате, получались за службу высокие чины и ордена, через высокое жалованье и взятки формировался начальный капитал. В связи с этим интересно проследить, когда и где пересекались пути скромного Нарымского уроженца, сына нищего чиновника из самого дальнего сибирского захолустья, с верхушкой российской аристократии — генералами А. Бенкендорфом, В. Адлербергом, И. Якобсоном, М. Брискорном, М. Позеном и Н. Чернышевым, членами его золотопромышленной компании. По словам К. Н. Евтропова главное, что выделяло его из чиновничьей среды было то, что, "не имея ровно никаких средств, он пошел к раз намеченной цели медленно, осторожно, хотя не всегда честно и благородно, но практически безошибочно". Этой, на наш взгляд, меткой характеристике, вторит наблюдение другого томского мемуариста, А. В. Адрианова: "Маленького роста, чрезвычайно подвижный и юркий, изворотливый и вкрадчивый, свободный от каких бы то ни было нравственных принципов, он изоцирил в этом направлении свой недюжинный от природы ум и, что называется, стал большим мастером втирать очки. Известен формулярный список И. Д. Асташева, где говорится, что он начал службу в январе 1809 г. в Томском губернском правлении канцеляристом и 31 декабря 1812 г. получил первый чин коллежского регистратора. Обращает на себя возраст юного канцеляриста и свежее испеченного чиновника 14 класса — 13 и 16 лет соответственно. В сентябре 1815 г. он был уволен от службы по болезни и вскоре объявился в Петербурге, где был определен в канцелярию военного министра губернским секретарем и 31 декабря 1819 г. получил следующий чин коллежского секретаря, а в марте 1820 г. "за отличное усердие" награжден подарком в 750 руб. Такая удачная карьера, даже при выдающихся способностях к службе, была невозможна без высокого покровительства. Что касается атмосферы самой службы, то ее ярко изображали классики русской литературы, оставлено много и документальных воспоминаний. В них отмечается карьеризм, нечестность, угодничество, убожество духовных и умственных интересов мелких чиновников. Затем И. Д. Асташев был переведен в штат Сибирского генерал-губернатора и в 1821 г. "исправлял" должность Бийского городничего, в 1822 — 1823 гг. был Кузнецким земским исправником. После этого он был переведен в Томск начальником 1-го отделения общегубернского правления и в 1825 г. получил чин коллежского асессора. В 1830 г. Асташев временно исполнял должность Томского городничего и получил за это благодарность от губернатора. Затем он был определен советником в Томский губернский суд и 31 декабря 1832 г. получил чин надворного советника. В марте 1833 г. согласно собственному прошения И. Д. Асташев был уволен от службы по причине "расстроенного здоровья" и получил при увольнении чин статского советника. За службу Асташев имел ордена Св. Анны, Владимира, Станислава высоких степеней, получил даже "бриллиантовый перстень с вензелевым изображением Высочайшего имени" и мог, по его собственным словам, легко получить даже "митру", то есть стать архиепископом. И. Д. Асташев оставался до конца жизни расчетливым человеком и дельцом до мозга костей. Ему не раз приходилось выпутываться из сложных ситуаций, и многое сходило ему с рук. Любопытна запись в "Алфавите осужденных Томским городским судом" о том, что в январе 1828 г. привлечен к суду начальник отделения Томского губернского совета коллежский асессор Иван Асташев, который обвинялся в "беспорядочной покупке им в Ирбитской ярмарке для этапных и неэтапных зданий материалов". Эта история, неприятная для любого чиновника, оставалась в служебных документах Асташева пожизненно в следующей формулировке: "Под следствием был; при ревизии гг. сенаторов Западной Сибири рассматривался вопрос о покупке Асташевым в Ирбитской яр-

марке казенных материалов и вещей с убытками якобы для казны... Правительствующий Сенат, рассмотрев это, уведомил Томское губернское правление от 3 июля 1830 г. о признании виновным в неосмотрительности по исполнению вышеизложенного поручения, а потому и подтверждено ему быть осмотрительнее". Тем не менее, эта "операция" дала людям, ее провернувшим, значительные по тем временам деньги и была рядовым явлением в повсеместном сибирском казнокрадстве. Правда, в данном случае, когда тайное стало явным, деньги пришлось вернуть, а виновные отделались административными наказаниями или, как Асташев, словесным выговором. В дальнейшем И. Д. Асташеву удавалось избегать крупных разоблачений, связанных с золотопромышленностью, ему помогало высокое покровительство из Петербурга и огромное, даже по общероссийским масштабам, богатство. На золотых промыслах нарушения касались, прежде всего, отношений хозяина прииска со своими рабочими. Здесь повсеместно царил произвол, и Асташев не был исключением. По мере истощения запасов золота в Западной Сибири местные золотопромышленники в поисках богатых россыпей двигались на восток. В их числе были, конечно, и Асташевы. Уменьшение прибыли золотопромышленников было связано с увеличением расходов на добычу золота, уменьшением его содержания в золотоносных песках, еще большему удалению золотых приисков от населенных пунктов и дорог. До 1833 г. И. Д. Асташев находился еще на государственной службе и как чиновник не имел права заниматься поиском и добычей золота. Однако с 1831 г. его прииск действовал на р. Большой Талаюл, впадающий в р. Кию, а в 1832 г. он составил компанию по добыче золота вместе с Поповыми, которые внесли сюда 40 тыс. руб. Соглашение должно было действовать до 1840 г., ЛНО компания просуществовала до 1846 г. В 1832 г. компаньоны сдали золота на 18900 руб., расходы составили 28551 руб. В 1833 г. приход компании составил 123058 руб., а в 1834 г. — 351433 руб. при расходах 55196 и 109992 руб. соответственно. Чистая прибыль компании только за эти два года составила 268202 руб.

В 40-е гг. XIX в. И. Д. Асташевым была организована компания, которая включала в себя многих влиятельных и сановных лиц и процветала не только за счет разработки золотоносных песков, но и за счет покровительства ей из Петербурга. Тем не менее трудно переоценить личную энергию и организаторские способности самого И. Д. Асташева в развитии всей сибирской золотопромышленности. Подсчитано, что за 36 лет, начиная с 1832 г., на его приисках было промыто чуть менее полутора миллиардов пудов золотоносного песка, добыто около 3470 пуд. золота, что дало ему выручки при продаже золота казне в 36 млн. руб. при расходах в 24 млн. руб. .

*Бойко В. П.
Томское купечество в конце XVIII – XIX вв.: Из истории
формирования сибирской буржуазии. – Томск.: Водолей,
1996. – 320 с.*

Деятельность Асташева в золотопромышленности увенчалась блестящим успехом и была в высшей степени полезна и плодотворна не только для Сибири, но и для России: «Она пробудила огромное соревнование и предприимчивость, подняла и развила промышленность, дала хлеб и работу сотням тысяч людей». И действительно, за тридцать шесть лет, начиная с 1832 года, под управлением одного Асташева было промыто чуть менее полутора миллиардов пудов золотоносного песка, чистого золота было добыто три тысячи четыреста семьдесят пудов. Для этого потребовалось почти 24 миллиона рублей капиталов, зато и выручка за золото составила 34 миллиона. Еще в 1840 г. неутомимая деятельность Асташева была отмечена бриллиантовым перстнем с вензельным изображением «Высочайшего имени». Как же удалось Асташеву добиться успеха? Оказывается, он не только объездил известные города Европы, где изучал горное дело, не только сам ходил по тайге с поисковыми партиями, но и сам изобретал различные способы вскрытия шурфов, откачивания воды и промывки песков. Высокий профессионализм золотопромышленника прекрасно уживался с холодным расчетом капиталиста, знавшего законы конкуренции и лазей-

ки государственного закона (это относится к пятилетнему судебному процессу с Рязановым и поведению Асташева с компаньонами). Имея независимое состояние в несколько миллионов, Асташев не скупился на благотворительность. На строительство в Томске Троицкого кафедрального собора он пожертвовал три миллиона штук кирпича и 7 тысяч рублей. На учреждение детского приюта в Иркутске — 5 тысяч рублей, на устройство там же казачьего училища — вдвое больше. Городскому обществу в Таре он подарил трехэтажный каменный дом. Последние девять лет своей жизни Иван Дмитриевич был почетным попечителем Томской губернской гимназии, где устроил ученическую библиотеку, оборудовал физический и минералогический кабинеты, купил для гимназии микроскоп, модель человека, модели уха, глаза, сердца и другие наглядные пособия. За время своего попечительства он вносил плату за обучение в гимназии всех бедных учеников и следил за их дальнейшим образованием. К числу благотворительных дел относится также освобождение Асташевым восьмидесяти крестьян деревни Петровой Каннского округа Усть-Тартасной волости. Он предоставил им 2370 десятин земли без всякого выкупа еще до правительственной отмены крепостного права в России. Делом чести для всей семьи стало строительство и содержание Томского Мариинского детского приюта: Асташевы пожертвовали на него девять тысяч рублей. Не случайно этот приют еще называли «асташевским». Почетными попечителями Мариинского приюта были и отец Иван Дмитриевич, и сын Вениамин Иванович, который подарил приюту участок земли в Сенной части города. Должность помощника попечительницы Мариинского приюта исполнял брат Асташева, отставной капитан флота 2-го ранга и кавалер — тоже Иван Дмитриевич (он подписывался — «Асташев-2-ой»). При отлучках в Петербург Асташева возлагала на него временное управление приютом. Обязанности попечительницы Мариинского приюта приняла на себя супруга Ивана Дмитриевича Асташева — Александра Павловна. Она наняла на свой счет дом, вполне удобный для проживания тридцати детей, смотрительницы и приличной прислуги, снабдила дом мебелью, пожертвовала всю столовую посуду, столовое белье, двойной комплект одежды и обуви и, сверх того, приняла на себя полное годовое содержание приюта. После сильного пожара в Томске, когда сгорело здание приюта, Асташева поместила десятерых детей, оставшихся без крова, в своем собственном доме. Вскоре затем Асташевы построили для приюта новое каменное двухэтажное здание на Магистратской улице (ныне ул.Р.Люксембург, 17) стоимостью в 25 тысяч рублей и содержали его на протяжении четверти века. Мариинский приют пользовался в городе популярностью, особенно хвалили детское рукоделие и хорошее пение.

Бытующее мнение, что после смерти И. Д.Асташева 5 августа 1869 года богатый род захирел и угас, не подтверждается имеющимися фактами. Хотя в Томске Асташевых действительно не осталось. Сын Вениамин Иванович служил в то время в Петербурге, в лейб-гвардии конном полку. Он продал родительский дом духовному ведомству и окончательно обосновался в столице. Поселился в Адмиралтейской части, на Английской набережной, в доме № 42. Стезю же своего отца — «золотое дело» — он продолжил. Генерал-майор В.И.Асташев в 1880 году основал одну из крупнейших в Западной Сибири компаний «Алтайское золотопромышленное дело». Ему и его наследникам принадлежало триста из тысячи паев этой компании. Асташевские золотые прииски находились не только на Алтае, но и в Енисейской губернии. Потомки И. Д. Асташева проживают сейчас в Прибалтике и поддерживают связь с Томским краеведческим музеем (разместившемся, кстати, в бывшем асташевском доме). В нынешнем году они передали в музей уникальный экспонат — художественную копию фамильного герба рода Асташевых. Герб прекрасно характеризует род золотопромышленников — ведь рядом с рыцарскими доспехами изображена золотоплавильная печь. Фамильный герб Асташевых обогатит будущую музейную экспозицию и упрочит неразрывную связь поколений.

*Галкина Т.
Господа Асташевы // Сибирская старина. - 1993. -
№2. -С.10.*

Гадалов

Начало династии известных сибирских купцов Гадаловых положил крепостной крестьянин Герасим Гадалов. Жил он в селе Коврове Владимирской губернии, и был управляющим имением князя Шаховского. Крепостной Гадалов был ценным работником: толков, исполнительен, но при этом и инициативен. Знал, как заставить хозяйство работать и приносить прибыль, был строг, но и справедлив к подчиненным ему крестьянам. При этом отлично разбирался в торговле, рыночной конъюнктуре. Имение приносило прибыль, да и семья самого Гадалова не бедствовала, ибо глава семейства, не довольствуясь ролью барского слуги, постепенно сам стал пробовать себя в самостоятельной роли коммерсанта. Была у него тайная мечта - о вольной, если не для себя, так для детей. Уж очень ему не хотелось, чтобы и сын его, Иван, гнул спину на хозяина, подобно отцу. Управляющих, подобных Гадалову, помещики отпускали неохотно. Сколько было случаев, когда крестьянин, будучи чуть ли не богаче хозяина, ни за какие деньги не мог получить вольную, и годами делился доходами с хозяином. Шаховской тоже тянул долго, однако в итоге соблазнился предложенной суммой и вольную подписал. То был большой день для Гадаловых. Отныне семья начинала самостоятельную жизнь. И первым шагом бывшего крепостного стала... отправка старшего сына Ивана с партией товара в Сибирь. "Проект" попахивал авантюризмом - связей у Гадаловых в Сибири не было, о Сибири "в Европе" было мало что известно. Кроме, разумеется, того, что туда на каторгу отправляют. Однако Гадалов - старший, "вращаясь" в коммерческих кругах, выяснил достоверно, что в Сибири, по причине удаленности от "метрополии", большой дефицит товара - любого товара вообще. А потому, если куда и ехать за большими деньгами, так туда. Иван Гадалов на роль "торгового представителя" подходил почти идеально: помогал отцу в торговле, посещал с ним ярмарки, был в курсе всех дел... Небольшой "пустячок" - юноше было только 13 лет. Но Герасим Гадалов упорно утверждал, что Иван, не получивший почти никакого образования (только дьячок научил грамоте), тем не менее, обладает выдающимся коммерческим талантом, которому тесно будет "в Европе", где его вечно будут считать "чумазым крепостным". А вот Сибирь - идеальная возможность показать себя. Удивительно, но отец не ошибся.

Иван Герасимович Гадалов не очень любил распространяться о том, как стал богатым. Иван Гадалов всегда знал, как "неходовой" товар помыть... простите, сделать привлекательным для покупателя, как убедить самого несговорчивого, что ему среди лета срочно необходимо драповое пальто. Ничего, между прочим, смешного - не один десяток купцов обанкротился по причине особенностей сибирской торговли: от центра далеко, пока товар довезешь, окажется, что он уже никому не нужен, вот и выбрось его. Так что, если не миллион, то первую тысячу новоиспеченный купчик заработал ногами и "языком". Тогда же научился еще одному - беспощадности к конкурентам. В жизни не было случая, чтобы купец кому-либо простил долг или снизил проценты. Напротив, "опутав" конкурента долгами, он через суд получал его имущество и бизнес, и тем увеличивал капитал. Другой "секрет" миллионера был тоже предельно прост: Гадалов тотально контролировал все дела своей фирмы и всех служащих. Малейшая попытка "сунуть товар под прилавок", утаить выручку вела к немедленному увольнению, причем хозяин был жесток предельно: вор должен был непременно возместить ущерб, да при этом, как правило, дело доходило до ареста и суда. До конца дней своих, уже имея взрослых детей, участвовавших в делах фирмы, Гадалов все же был в курсе всей бухгалтерии и всех кадровых решений своей «империи». А "империя" была немаленькой: филиалы торгового дома "Иван Герасимович Гадалов" (торговля мануфактурой, одеждой, обувью, продуктами питания, спиртным) были в 14 городах Сибири, в том числе и в Томске (помимо собственно бывшего гастронома, Гадаловым принадлежало также прилегающее здание нынешнего салона "Вестфалика"), где представительство возглавлял сын миллионера, Иннокентий. Известен он был как коммерсант порядочный и честный, кроме того, прогрессивный: для сплочения капиталистического коллектива создал

из служащих духовой оркестр. Отец, говорят, не одобрял "баловства", а вот томичам нравилось, когда "оркестр служащих Иннокентия Ивановича Гадалова" в городском саду выступал. Тем и запомнился бы горожанам Иннокентий Гадалов, не грянь революция.

Ко времени революции Иннокентий Гадалов был уже в годах, но все также продолжал вести дела томского филиала фирмы (Иван Герасимович скончался в Москве в начале века). Универмаг Гадалова в 1918 году, когда в Томске пришли к власти большевики, не очень пострадал - просто потому, что власть "экспроприаторов" оказалась недолгой, и вскоре большевиков сменил колчаковский режим. Однако наступившие времена были не лучшими: нестабильность - худший враг торговли - чувствовалась во всем. Тогда-то, а может, чуть позже, в 1919 году, когда началось наступление "красных" на Томск, Иннокентий Иванович и спрятал фамильные капиталы (до 10000 царских червонцев), замуравав их где-то в одной из стен универмага. Гадалов покинул Томск вместе с отступавшими колчаковцами - видимо, надеясь вернуться в лучшие времена. А пока... работал в Красноярске дворником. Лучшие времена, однако, не наступали. Бывший миллионер вернулся в Томск, ставший родным за многие годы. Вернувшись же, обнаружил, что универмаг национализировали, а власть упорно ищет его золото, "тягая" на допросы бывших служащих. Те, однако, молчали. Не знали ничего или... помнили доброго хозяина и тот духовой оркестр. Чекисты "взяли в оборот" и самого Гадалова, но опять же ничего не узнали. Тайна осталась тайной - вскоре миллионер умер, так ее и не раскрыв. С тех пор бывший универмаг, он же гастроном, бистро, кафе, салон, постоянно подвергается мелким и капитальным ремонтам - каждый из сменяющих друг друга коммерсантов, видимо, втайне надеется найти клад. Увы, гадаловские миллионы так и не найдены.

Сазонова Н.

Гадаловские миллионы [династия сибирских купцов Гадаловых] // Все для вас. – 2001. - №280. – С.11.

В «Золотом квартале» находятся здания мэрии, городской Думы, гастроном "Елань". Название "Золотой квартал" напрямую связано с именем купца-миллионера Гадалова. В крохотном центральном квартале Гадалову полностью принадлежали одноэтажный дом (сейчас там городская Дума) и нынешняя "Елань". На первом этаже "Елани", так же как и сейчас, был магазин, второй занимал Гадалов с женой. Там же были комнаты для гостей и прислуги.

Ходили упорные слухи, что Гадалов в конце 1919 года, перед тем как вместе с отступавшими колчаковцами покинуть Томск, в стенах своего дома сделал несколько тайников, где спрятал до десяти тысяч золотых червонцев. В первые годы советской власти их безуспешно искали. Возможно, часть золотых монет и других ценностей купец-миллионер спрятал и в одноэтажном доме с подвальчиком. До революции это был гадаловский винно-бакалейно - фруктовый магазин № 1. Гадалов с белыми войсками добрался до Красноярска, несколько месяцев работал там дворником, потом вернулся в Томск, где вскоре умер.

До начала 90-х годов жив был Александр Владимирович Алисов, который служил "мальчиком" у Гадалова. В 1919 году ему было 14 лет, и он отлично помнил события того времени. Чекисты допытывались о тайниках с золотом у самого купца, вызывали и прислугу, в том числе и Алисова. На допросах называлось четыре пуда золота...

Тайна до сих пор остается тайной. Обследовать всю территорию "золотого квадрата" возможности пока не представляется, так как для этого пришлось бы разобрать весь слитый воедино комплекс зданий постройки столетней давности.

Привалихина С. В.

Мой Томск. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. - 274 с.

Горохов

Среди всех сибирских золотопромышленников, которые проживали в Томске, наибольшую известность получил Философ Александрович Горохов, который, как и И. Д. Асташев, родился в 1896 г., но в семье небогатого дворянина в Енисейске и начал чиновничью службу сначала на своей родине. В 1814 г. он был переведен в Нарымский окружной суд с производством в первый чин, то есть стал коллежским регистратором. Вскоре Ф. А. Горохов был переведен из Нарыма в другое место службы и занимал ряд должностей, среди которых выделяется должность Каннского окружного начальника. Такой пост был вполне самостоятелен и давал возможность проявить свои администраторские способности. Вероятно, Ф. А. Горохову это удалось сделать, и он круто пошел вверх по служебной лестнице. Пиком его карьеры стала должность Томского губернского прокурора, которую он получил в 1833 г. и примерно в это же время женился на дочери крупного золотопромышленника А. Е. Филимонова. Вскоре Горохов увлекается делами, связанными с расширением добычи золота на своих приисках, что уже было нарушением закона, который запрещал совмещение государственной службы и предпринимательства, и забрасывает дела служебные. В 1840-е гг. компания Ф. А. Горохова, в которую входили его родственники по жене Филимоновы и купец Отопков (Атопков), намывала ежегодно более ста пудов золота. По тем временам такое количество металла при сдаче в казну стоило более 2 млн. руб. и прибыль составляла 100 — 200% от вложенного капитала. Полученные деньги не задерживались в казне компании и вновь пускались на поиски новых месторождений золота, на безумную роскошь и огромные траты, удовлетворявшие любые прихоти компаньонов во главе с Гороховым. По словам одного из авторов "Сибирского вестника", который был свидетелем расцвета и падения этой золотопромышленной компании, "Горохов вел такую роскошную жизнь, что в Томске ни до, ни после него так не жил никто. Золото компаньоны сыпали горстями, зато и оно к ним лилось рекой. Богатый и бедный несли ему свои сбережения, и проценты он платил невероятные: от 50 до 100 в год. После краха у компании оказался дефицит более двух миллионов". Под влиянием чиновничьей службы и обрушившегося на него богатства у Горохова развились соответствующие черты характера. О них хорошо сказал А. В. Адрианов: "Отсутствие образования и наличность большого капитала уже сами по себе определяли вкусы хозяина, а природный ум, тщеславие и широта натуры давали им направление и развитие. Внешность и показная сторона, столь легко вызывавшая шум восторгов, удивления и поклонения, неизбежно должны были встать на первый план. И Горохов занялся этой внешностью, пустив в ход всю свою изобретательность". В этой связи можно было бы рассказать про волшебный сад Горохова с мостиками и беседками с пошлыми надписями, про библиотеку с раскрашенными картонными коробками вместо книг, про тарелки с видами окрестностей гороховского сада и хрустальные бокалы, вмещавшие бутылку шампанского, и про другие предметы безумной роскоши, но об этом не раз писали в дореволюционной и современной литературе. Отметим только, что эта роскошь была нужна компаньонам не столько для удовлетворения своих прихотей и амбиций, сколько для искусственного вызова кредита. В результате все, кто доверился блеску гороховской роскоши и надеялся через его золото округлить свои капиталы оказался в числе пострадавших. Крах компании был одной из причин почти полного обновления списков томских купцов в середине XIX в. Важным штрихом в характеристике Ф. А. Горохова является объединение им в своих руках богатства и старых служебных связей, что сделало его самым могущественным человеком края. Он оказался лицом хотя и без должности, но без согласия которого не решался ни один сколько-нибудь важный для города и губернии вопрос. Его влияние сделало возможным незаконно получить кредит в Сибирском общественном банке, захватывать выгодные для разработки прииски, назначать на ключевые места в губернии своих людей, избегать его сторонникам судебного и административного преследования и т. д. На-

кануне своего разорения, в 1848 г., Ф. А. Горохов вступил в томские купцы первой гильдии. Возможно, что это было связано не только с необходимостью выкупить гильдейское свидетельство для занятий золотопромышленностью, но и в надежде самому заняться торговлей и промыслами, которые при поставках на прииски порой были более выгодны, чем добыча золота. Всего через год, в 1850 г., над компанией Горохова, Атопкова и Филимоновых было учреждено Опекунское управление под наблюдением Томского окружного суда. Опекуны заключили 11 марта 1853 г. с вышневолоцким купеческим сыном П. С. Сосулиным контракт, по которому тот становился "главноуправляющим" над всеми приисками компании с обязательством получать максимальную пользу от их работы и с окладов в 2000 руб. и "столовым содержанием. Без хозяина прииски доход давали ничтожный. Опекунское управление начало выдавать долги избранным кредиторам, естественно, за взятки, и все это вызвало ропот остальных должников. Тогда была проведена ревизия, и члены окружного суда за слабый контроль над опекунами выплачивали некоторое время четверть своего жалованья. В 1855 г. над компанией был учрежден новый конкурс с большим штатом служащих, роскошной обстановкой и содержанием председателя конкурса в 5 тыс. руб., а потом и в 6 тыс. руб. Конкурс издержал на себя несколько десятков тысяч рублей и был в 1869 г. закрыт, но еще долго тянулись дразги по вопросу, кому управлять конкурсом и сколько копеек с рубля кому платить. Сам же Ф. А. Горохов, к этому времени разоренный и духовно сломленный, покинутый всеми и больной ("удрученный подагрой"), доживал свой век в небольшом домике рядом со своими хоромами, ставшими собственностью Томского общественного собрания.

Бойко В. П.

*Томское купечество в конце XVIII – XIX вв.:
Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск.: Водолей, 1996. – 320 с.*

Сын губернского чиновника, Горохов вступил в службу в очень раннем возрасте и быстро в ней преуспел. В 1833 году он получил назначение на место губернского прокурора. Женитьба на Олимпиаде, дочери купца-золотопромышленника Е. В. Филимонова, обеспечила Горохову долю в делах тестя. Около 1848 года Ф. Горохов основал вместе со своими зятьями Аполлоном и Николаем Филимоновыми и полковником Атопковым золотопромышленную компанию. Часть приисков Горохов разрабатывал также в компании с золотопромышленниками С.Сосулиным, И.Базилевским, И.Асташевым и еще несколькими предпринимателями. Дела велись с необыкновенным размахом. Удача кружила голову. В 1848 году Горохов со своими компаньонами получил почти 48 пудов золота, в следующем — на 20 пудов больше. Надо ли говорить, какой роскошью обставил свою жизнь новоявленный томский «герцог», как неизменно называли тогда Горохова? Обратимся еще раз к рукописи Г.Н.Потанина, в подготовке которой он опирался на утерянные ныне документальные свидетельства: «Быстро в руках Горохова составилась огромный капитал. Внешний блеск, с которым он жил, соответствовал его операциям и должен был поддерживать обаяние публики... сад его был первый в Сибири; здесь он в павильоне, переброшенном вместо моста через пруд, задавал лукулловы обеды; гости ели с тарелок, виньетки на которых изображали тот самый гороховский сад с Томском на втором плане; шампанское лилось в саженные бокалы, стоявшие на полу подле стульев гостей и вмещавшие по целой бутылке... В праздники первый визит все делали Горохову, потом уж губернатору, и сам губернатор во главе предварительно у него в квартире собравшейся бюрократии ехал первый отдать визит Горохову...» Показная роскошь Горохова ослепила многих, он же вместе со своими ближайшими компаньонами и родственниками Филимоновыми оказался неудачливым в делах. Богатейшие золотые прииски не давали ожидаемых доходов, скорее всего по причине неумелой организации работ на них. Владельцы приисков объясняли впоследствии, что законтрактованные рабочие явились позже назначенного срока и не в полном составе. Вместо предполагаемых десяти золотников золота с каждых ста пудов песков получили они всего

лишь по два золотника. Выход нашли в кредитах, тем более что в Томске им эти кредиты давали более чем охотно. Виднейшие купцы города — З. Цибульский, С. Ерлыков, С. Хромов, М. Некрасов, чиновники, мещане — никто не отказывал в просьбах Горохов. И тут «грянул гром среди ясного неба». Ни Горохов, ни братья Филимоновы отдавать долги не торопились и, как довольно скоро выяснилось, вернуть их оказались не в состоянии. Однако обаяние их, говоря словами Г. Н. Потанина, было в Томске так велико, что не менее пяти лет судебные органы не решались объявить компаньонов несостоятельными. Этому деятельно препятствовал и сам Горохов, который, опираясь на свою прокурорскую практику, находил одну отговорку за другой. Тем не менее летом 1855-го Томский губернский суд признал компанию Ф. Горохова, Атопкова и Н. и А. Филимоновых несостоятельной и учредил конкурс.

Томск: История города от основания до наших дней. / Под ред. Н. М. Дмитриенко. – Томск. – Изд-во ТГУ. – 1999. – 430 с.

В 1833 году в Томск был назначен новый прокурор по фамилии Горохов. Известно было о новом блюстителе закона немного: родом из Енисейска, происходил из бедных дворян. Родители смогли только худо-бедно выучить сына грамоте, дабы пристроить его на какую-нибудь государственную службу: стал Философ, а попросту - Федор, мелким клерком в суде. Потом его карьера обрстет легендами. Говорили, например, что в далеком Енисейске заметил служащего с красивым почерком сам томский губернатор и позвал в свою канцелярию. Потом, рассказывали, начальство командировало Горохова в Туруханск с не слишком сложным заданием - доставить почту и проверить, как идет обустройство вновь приехавших чиновников на новом месте. Однако несложное поручение все же дало возможность Горохову проявить свои административные способности. По возвращении из Туруханска он начинает быстро продвигаться по служебной лестнице - с должности секретаря суда на пост окружного начальника... и так далее. Горохов действительно слыл чиновником исполнительным, энергичным и инициативным. Вершиной его достижений к 1833 году стал пост томского окружного прокурора. В этой должности Горохов работал не хуже, чем ранее. В частности, уже через несколько месяцев после назначения благодаря его усилиям были расследованы сразу несколько краж и убийств из категории не раскрываемых. Надо сказать, что энергичный и честный блюститель закона в Сибири был настоящей редкостью, а потому молодой прокурор сразу стал городской знаменитостью.

Если разобраться, прокурор был полезным для купца Филимонова: как-никак страж закона, а у какого российского предпринимателя нет конфликтов с законом? Так что и тестю было очень выгодно шаг за шагом приобщать зятя к семейному делу Филимоновых - добыче золота. Так, немного помочь родственникам, закрыть глаза на некоторые злоупотребления на приисках, потом немного прибыли от семейного бизнеса... Ничего противозаконного, вот разве что коммерческая деятельность государственным служащим запрещена... Надо сказать, что при виде богатства Филимоновых с честным прокурором что-то случилось: он закрыл глаза не только на дела тестя, но и на все остальное. Заключение годами ждали рассмотрения дел, суды не работали. А городской прокурор с головой ушел в дела Филимоновых, постепенно превращаясь из прокурора в семейного адвоката. В конце концов, дело дошло до столицы, началось расследование. Впрочем, неприятности не случилось: у Филимоновых хватило денег откупиться от столичных чиновников, так что Горохову просто предложили перевод в европейскую Россию, а он в ответ подал прошение об отставке. Просьба была удовлетворена, и Горохов теперь уже вполне легально занялся так увлекшей его золотопромышленностью. Тем более что после отставки важные для дела связи и знакомства с нужными людьми остались при нем. Так что все оказалось к лучшему. Горохов, занявшись золотопромышленностью, также преуспел. Но помимо семейного дела, ему удалось изобрести новый способ обогащения, еще более быстрый и уж точно менее

трудоемкий, чем золотоискательство. Компания Горохова - Филимонова предлагала огромные проценты по вкладам - до 100 процентов годовых (и это во времена, когда инфляция почти отсутствовала!), а главное - выплачивала их без задержек. Деньги хлынули рекой. Здесь-то и начинается история томского "герцога".

Федор Горохов не был скупым рыцарем. Он предпочитал греметь на весь Томск, удивляя горожан и приезжих. Однажды, к изумлению всего города, там, где некогда был заброшенный пустырь с пересыхающим ручейком, вдруг началось строительство. Первым делом выстроил господин Горохов красивый дом. Внутри, поговаривали в Томске, все было устроено "как в лучших домах", была даже огромная библиотека. Специально заказывал хозяин картонные корешки с надписями, по его разумению, достойными образованных людей: "Благонравие и порок", "Бедность и богатство"... Книг под корешками, правда, не было. За своими делами недосуг было Философу Александровичу пополнить свое образование, да и зачем? Да что библиотека... По его указанию перегородили плотиной ручеек, отчего получился пруд. Через пруд перекинули мостик в виде высокой арки, а посередине того мостика установили статуи крылатых коней (хозяин как-то побывал в столице, увидел там что-то подобное и запомнил). По всему саду расставили статуи в столичном, опять же, стиле, разместили оранжереи, в коих зрели, как говорили, фиги и виноград. Особым украшением сада были ажурные беседки, увитые цветами. Они были необычными, чувствовалось, что и здесь хозяину хотелось блеснуть образованием и воспитанием (хотя не хватало ни того, ни другого). Каждая беседка имела свое название, написанное при входе: "Убежище уединения", "Храм любви" и прочее в том же духе. Хозяину, видно, казалось, что так красивее. Иные образованные люди (таковых в Томске, правда, было немного) находили надписи пошловатыми. Придирались, конечно, завистники. Смотрел на все это великолепие, катался на лодках по пруду, любовался шикарными фейерверками Горохов почти каждое воскресенье, а 31 мая и 15 июня, в дни именин (своих и супруги), приглашал всю мало-мальски состоятельную городскую публику. Частенько бывал у Горохова и сам томский губернатор. Поглядев на все чудеса, состоятельные граждане приглашались, естественно, к столу, который бывал, накрыт в павильоне посреди сада. Углядеть павильончик с непривычки было трудно - состоял он из сплошных рам с зеркальными стеклами. Внутри тоже было диковинно. Удивляло не то, что столы ломились от яств и вино особо жаждущим подавали в полуведерных бокалах самым необычным было то, что на тарелках и бокалах томичи узнавали знакомые всем городские пейзажи. Говорили, что посуда специально изготавливалась на стекольном заводе Горохова. Иные, впрочем, считали, что нет у "герцога" никакого завода, а вся посуда заказана в самой столице за сумасшедшие деньги. А что? Ничего удивительного, ведь только на устройство сада хлебосольный хозяин потратил не то 200, не то 250 тысяч рублей (!). Эх, широкий человек Философ Александрович! Богатый и нежадный - вон какие проценты платит! Да и власть к нему благоволит. Одним словом побывав в волшебном саду, граждане несли в компанию Горохова деньги. Благодеяние компании Горохова, в отличие от нынешних "пирамид", продолжалось довольно долго - почти десять лет. Постепенно "герцог" все больше закрывал глаза на свои золотые прииски и все больше увлекался добыванием денег из воздуха: собрать побольше средств, заплатить проценты и еще побольше собрать. И еще... Если "герцог" чем увлекался, то без оглядки. На сей раз конец его увлечения был плачевным.

В 1850 году компания Горохова рухнула. Дефицит ее на момент краха - цена хозяйского увлечения спекуляцией - составил более 2 млн. рублей.

Морозова Н.

*Судьба томского герцога [Философ Горохов]
//Томские новости. – 2001. – №34. – С.34*

Еренив

Купцы Еренивы оставили заметный след в истории города. Родоначальником династии был Алексей Лаврентьевич, который начал свое дело с кожевенной мастерской, но к середине XIX в. сформировал целый торгово-промышленный комплекс. Коммерческая деятельность его была настолько успешной, что он задумал на свои деньги построить в Томске женский монастырь. Он приобрел для этого "в достаточном пространстве место, состоящее в Знаменском приходе, и в 1849 г. исходотай-ствовал разрешение на строительство в означенном месте одноэтажной каменной теплой церкви..." В 1859 г. его сын Иван подтвердил желание своего родителя и высказал готовность жертвовать на строительство монастыря озерях, лишь часть проекта нашла свое воплощение на земле Иннокен-тьевской женской общины в южной части города. 2 июня 1866 г. был заложен Успенский соборный храм, а 22 октября 1870 г. его уже освятил томский епископ Платон. Алтари северного и южного приделов посвящались русским святым — Алексею митрополиту Московскому и Иоанну архиепископу Новгородскому — в память жертвователей — Алексея и Ивана Еренивых. В дальнейшем дела И. А. Еренива складывались не совсем успешно. Одной из причин ухудшения его дел являлась огромная семья. В 1887 г. в 60-летнем возрасте у него было 5 сыновей и 5 дочерей, причем младшему, Стефану, было всего два года. Большая семья требовала больших расходов, и приходилось изыскивать средства, отдавая торговые помещения в аренду. Это приносило лишь временное облегчение в коммерческих делах, так как сдача в аренду являлась вынужденной мерой и не позволяла получать всю прибыль с оборота, заставляла довольствоваться лишь ее частью, зафиксированной в договоре. В 1881 г. И. А. Еренив, тогда еще купец первой гильдии, сдал в аренду (кортонное содержание) две свои лавки в Гостином дворе на 2 года за 2500 руб. иркутскому первой гильдии купцу А. Ф. Второву. В связи с ухудшением дел И. А. Еренив вынужден был перейти из первой гильдии во вторую, хотя и стал потомственным почетным гражданином. Как и прежде, ведущее место в предпринимательстве Еренивых занимало кожевенное производство, которое было основано у них еще в 1823 г. В 1890-е гг. их завод выдeldывал 9 тыс. кож на сумму 36 тыс. руб. при 20 рабочих. Это заведение при гораздо меньшем числе работников действовало почти так же эффективно, как более крупные предприятия томских купцов П. А. Бронникова (70 рабочих, 48 тыс. руб. оборота) и Я. А. Пермитина (40 рабочих и 38 тыс. руб. оборота).

Бойко В. П.

Томское купечество в конце XVIII – XIX вв.:

Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск.: Водолей, 1996. – 320 с.

Первоначально улица Пролетарская была названа по фамилии томских купцов Еренивых. Алексей Лаврентьевич, родоначальник династии, начал своё дело в 1823 г. со скорняжной мастерской, но к середине века имел кожевенный, свечной и мыловаренный заводы на этой улице (28-30-32) на берегу озера, которое до сих пор называется Еренивским.. Его сын, Иван Алексеевич (1827-1899), купец I гильдии, был известен среди горожан своей благотворительностью. В частности, им построены и содержались в течение семи лет два начальных училища в Заозерье, мужское и женское. В 1910-1912 гг. город возвел для них новый дом — сейчас это старое здание школы № 16 (Заозерный лицей). Еренивым же построен и пожертвован в 1880-м дом с местом на Елани (ул. Советская) для параллельных классов женской Мариинской гимназии. Значительные суммы выделял в пользу больных и раненых воинов, заключённых томских тюрем. Особенно известен щедрыми пожертвованиями по духовному ведомству, за что имел орден св. Станислава II степени. Он исполнил частично желание отца, построив в 1866-1870 гг. Успенский собор па земле Иппокептьевской женской общины (Иоанно-Предтеченского монастыря) — ныне район Студгородка. Его приделы были посвящены русским святым Алексею, митрополиту московскому, и Иоанну,

архиепископу новгородскому, — в память жертвователей Алексея и Ивана Ереневых. На деньги И.А. Еренева строилась и оборудовалась церковь в селе Протопопово. 29 лет Иван Алексеевич был попечителем хозяйственной части духовного училища, заботясь о ремонте зданий, быте учащихся. В 1881 г. просит управу разрешить ему построить одноэтажную домовую церковь для училища по Приюто-Духовскому пер. в память умершего в этом году сына. Через год на его деньги будет возведено двухэтажное каменное здание, под церковь па 250 и благоустроенную больницу на 12 человек (3 палаты) — архитектор В. Хабаров. И сегодня это легко вычленимая часть здания совхоза-техникума по Совпартшкольному пер. И.А Еренев с 1870 г. избирался в состав гласных городской Думы, в 1876-1879 гг. являлся директором Общественного Сибирского банка. За заслуги перед министерством финансов был награждён орденом св. Владимира IV степени. Это была рабочая улица. Кроме заводов Еренева, здесь располагались: крупчатая мельница торгового дома «Е. Кухтерин и сыновья» (угол Мельничной и Пролетарской), винокуренный завод торгового дома «Андроновский и сыновья», лесной склад, принадлежащий казне (6). Напротив улицы на Томи в начале нынешнего века была устроена лесная пристань. В 1925-м улицу предлагали переименовать в Промышленную, т.к. «застроена промышленными заведениями», а Евграфо-Никольскую — в Пролетарскую. Но в 1927 г. — в связи с десятилетием революции — последнее название присвоили Ереневской. Типичное для того времени идеологическое имя, указывающее на роль пролетариата, его диктатуры в революционную эпоху.

История названий томских улиц. / Под ред. Г. Н. Стариковой – Томск.: Водолей, 1998. – 320 с.

Отец Ивана Еренева, Алексей Лаврентьевич, начинал в далеком 1823 году почти без гроша в кармане, весь наличный капитал потратил на то, чтоб открыть свое дело - скорняжную мастерскую. Звезд с неба он не хватал, и благополучие семьи давалось тяжким трудом. Так и не узнали бы мы ничего о династии купцов Ереневых, кабы не грянула в Сибири "золотая лихорадка": нашли в мариинской тайге золото - и „начались... Кинулся назад за богатством и счастьем. Алексей Лаврентьевич был человек степенный, в авантюры не бросался, но все же ему повезло: любители ходить по тайге в поисках "длинного рубля" нуждались в важной "мелочи" - хорошей обуви, ибо босиком счастье искать несподручно... Скромную мастерскую завалили заказами. Вскоре оказалось, что она не справляется с потоком клиентов, пришлось нанять еще работников, потом еще...

Долго ли, коротко - вышел Алексей Еренев в третью купеческую гильдию. Ну, конечно, куда там до "тузов" золотопромышленности, но все же смог оставить единственному сыну Ивану уже не мастерскую, а целый заводик - кожевенный, да в придачу еще два: свечной и мыловаренный. А уж Иван Еренев всем этим распорядился так, что через небольшое время стал купцом первой гильдии. Тем более что спрос на товар не падал - как-никак, через Томск все торговые пути на Восток и обратно шли, так что торговля шла бойко, знай себе работай, старайся да денежки в карман клади. Вместо этого Иван Еренев ударился в мечтания о великих прожектах. С легкой жизни, что ли, а может, наследственность? Второе, пожалуй, вернее. Один из нереализованных проектов Еренева-старшего достался в наследство сыну вкуче с заводами и мастерскими. Мечталось Алексею Лаврентьевичу вложить капитал ни много, ни мало - в строительство женского монастыря. Потому как, учил он сына, заниматься накопительством - это не дело, купец обществу должен быть полезен. Урок был усвоен Ереневым-младшим на всю жизнь. И хоть отец основать монастырь не успел, сын выстроил Успенский собор в Иоанно-Предтеченском женском монастыре, а в соборе - придел Алексея Митрополита Московского, в память о родителе покойном. Вскоре о Ереневе заговорили в городе как о щедром благотворителе. Шесть лет был он старостой Знаменской церкви, кстати, и без финансовой помощи не обошлось. Построил два училища в томском Заозерье - мужское и женское. На свои же деньги выстроил и пожертвовал городу здание для женской гимназии. В селе Протопопово сгорела церковь. Как водится, кинули клич: люди добрые, кто сколько может... Еренев опередил всех - один выстроил новую

церковь и позаботился об иконостасе, лампадах и даже жалованье священнослужителей. Но особо заботился Иван Алексеевич о Томском мужском духовном училище. Для него в Духовском переулке (сейчас - Совпартшкольный) выстроил купец двухэтажное каменное здание стоимостью в 20 тысяч рублей (!), в коем помещались училищная церковь и небольшая, но благоустроенная больница на 12 человек. Естественно, щедрый благотворитель позаботился и о том, чтобы за свой счет приобрести всю обстановку - иконостас и прочую утварь для церкви, оборудование для больницы. Все это, не считая частых и щедрых пожертвований на нужды училища, на которые Еренев не скупился. Но благотворительности Ивану Алексеевичу было мало. Хотелось, так сказать, лично участвовать в общественной жизни. Уж как не любили томские купцы все эти думские выборы и заседания - говорильня, проку нет, работа стоит... А Еренев с 1870 года безотказно работал в Думе (даже пост городского головы предлагали ему). И много где еще работал. Не мог он отказать, если просили. А просили честного купца многие. Три года отработал он директором Общественного Сибирского банка, что организован был для помощи народному образованию, но "помогал", как водится, совсем другим людям... Пока Иван Алексеевич за дело не взялся. А потом его просили руководить Комитетом попечения о тюрьмах, стать попечителем хозяйства мужского духовного училища, и еще, и еще... Еренев стал потомственным Почетным гражданином Томска, был обласкан властями, имел государственные награды... и перешел во вторую гильдию. Но это мелочи. Дела Еренева пошатнулись. Оно и понятно - не всякая фирма способна пережить такой "благотворительный марафон". Тем более, если ее глава постоянно занят общественными обязанностями, не следит за делами... Еренев ведь не золото добывал, а всего лишь кожи производил. А это вещь полезная, но не валюта все же. Нет, конечно, кожевенный завод продолжал работать, и, хотя штат пришлось сильно сократить, производство не упало. Завод при 20 рабочих продолжал выделывать кож на 36 тыс. рублей в год. Вот только все труднее становилось поддерживать благотворительные проекты купца и одновременно держаться на плаву, кормить большую семью. "Одумайся, - говорили многие, - остановись, не облагодетельствуй тебе весь город! О себе подумай". Но Иван Алексеевич предпочитал искать другие решения. Пытаясь удержаться на плаву, он начал сдавать в аренду торговые площади. Пришлось пожертвовать лавками в самых бойких местах города, например, в Гостином ряду, где две ереневские лавки арендовал купец А. Ф. Второе, строитель знаменитого Второвского пассажа. Аренда позволяла "выкрутиться", вылезти из долгов, но ненадолго. Вскоре вновь встали вопросы, как содержать семью, чем кормить и на какие деньги учить детей (их у Ивана Алексеевича было 10). Ненадолго помог и переход во вторую гильдию, что сулило некоторое снижение налогов. И тогда с болью сердечной Еренев, увы, пошел на нарушение своих принципов и признал, что столь щедрым благотворителем он отныне быть не может. И сдал городу два училища, которые держал 7 лет. Впрочем, это было единственным отступлением от принципов. Еренев не унылся, и уже, будучи во второй гильдии, в стесненном финансовом положении, летом 1897 года расширил и отремонтировал им же возведенный корпус мужского духовного училища. Через 2 года, в марте 1899-го, Ивана Алексеевича не стало. В некрологе сообщалось: умер от болезни сердца. Дети потомственного Почетного гражданина по миру, насколько известно, не пошли, но и в составе купеческих гильдий замечены не были. Таким и запомнили Еренева горожане - щедрым благотворителем, благодетелем многих томичей, строителем церквей, школ... И долго еще рассказывали историю о том, как "чрезмерная" благотворительность загубила процветающую фирму. Или о том, как богатый человек употребил свое богатство на пользу обществу и оставил тем о себе добрую память. Это уж как кому понравится.

Сазонова Н.

Иван Еренев – благотворитель до последнего рубля // Все для вас. – 1999. - №137. –С.12.

Королев

Из числа томских предпринимателей выделялся купец первой гильдии Евграф Иванович Королев. В Томск братья Евграф и Всеволод Королевы приехали в 40-х годах прошлого века. Томский историк К. Н. Евтропов дает интересную характеристику Е. Королеву. "Королев был от природы коммерсант - самородок, человек, безусловно, умный, натура цельная и непоколебимо стойкий в своих убеждениях и действиях. Не отшлифованный ни наукой, ни воспитанием, выросший в черном теле и приученный к простой скромной Жизни, он и после, когда стал самостоятельным работником в делах по торговле, отличался самой строгой расчетливостью и бережливостью, был далек от всяких некоммерческих "затей". Чуть далее К.Н. Евтропов сообщает: "Как торговый человек он задачу своей Жизни определял только одною наживою. Купеческое правило: "Меньше" дать и больше получить" у него было основным, где представлялся хороший случай к тому".

Благотворительность - вот нравственная обязанность, по заповедям которой жили братья Королевы. Не счесть добрых дел Евграфа Ивановича. Около 30 домов в разных частях города подарил он Томску, построил Ярлыковскую церковь, детский приют, ремесленное училище, городскую богадельню. За благотворительную деятельность Томская городская дума 16 февраля 1883 года удостоила звание "Почетный гражданин города Томска", а 20 октября 1883 года царь Александр III "высочайше соизволил на присвоение" этого титула первой гильдии купцу Евграфу Ивановичу Королеву. А в 1891 году звание это получил и Всеволод Королев. Осчастливленный высоким титулом, воодушевленный признанием его заслуг Евграф Королев приступает к новому делу - строительству городского театра. Маленький деревянный театрик, выстроенный в 1850 году на месте сегодняшнего главного корпуса Мединститута на деньги городского головы Аполлона Филимонова, прослужил 32 года и в 1882 году был "за ветхостью" снесен и продан на дрова за 200 рублей.

А дела Е. Королева в это время шли успешно, (капитал рос). По данным томского краеведческого музея, значительный доход наряду с продажей горного оборудования и чая приносила ему торговля корсетами и кринолинами, заправляла которой супруга Анна, в девичестве Дьякова в недавнем прошлом вдова купца Ненашева.

Пасху 1884 года Томск праздновал широко, пьяно. Компания из 5 томских купцов собрала 25 тысяч рублей на пасхальной неделе, дабы доброе дело сделать - театр построить. Томский голова Михайлов сразу же бесплатно отрезал "под театр место из городских земель", - пишет краевед И. Е. Лясоцкий в книге "Прошлое Томска". Узнав об этом "кумпанстве", Е. Королев, обидевшись, что его не взяли в долю, пожаловался губернатору И. И. Красовскому, тот включил его в дело, но Е. Королев повел сразу дело так, что скоро оказался во главе его. К. Н. Евтропов замечает, что Королев умел делать хорошие и добрые дела, но без стороннего участия привлекал только брата Всеволода, а потому, разорвав подписной лист, заявил, что построит единолично за два года каменный театр. И уже к осени 1885 года на Московском тракте, позади современного здания ТИАСУРа театр, трехэтажный, кирпичный был выстроен и сразу же прозван в народе "королевским". Театр имел три яруса: партер с ложами бенуар и сталью, бельэтаж, галерею и вмещал тысячу зрителей. Дальновидно поступил Е. Королев, пустившись в это мероприятие. В 1880 году в Томске был заложен первый в Сибири университет. Его открытие должно было существенно изменить зрительскую структуру: профессора, преподаватели, студенты - самый надежный и постоянный зритель, - считал Королев, т.е., говоря сегодняшним языком, он делал ставку на самокупаемость. Так что, 150 тысяч, вложенные в театр -это не красивый жест в очередном порыве альтруизма. Томские купцы умели считать деньги.

19 сентября 1885 года "Королевский" театр открылся. В государственном архиве Томской области сохранился план зрительного зала. Интересно закрепление постоянных мест в первом ряду за определенной категорией зрителей. Если игрался бенефисный спектакль, то цены доходили до 10 рублей. Так, в четверг, 9 октября 1886 года артистка Мария Эдуардовна Мондшейн приглашает на свой бенефис. "Представлена будет: "Светит да не гре-

ет" Островского и Я. Соловьева "Чашка чая" (перевод с французского) и в заключении "Бедовая девушка" Куликова". Сборы были почти всегда полными. В первые сезоны театр собирал до 24 тысяч рублей. А в первой половине сезона 1888-89 гг. за состоявшиеся 59 спектаклей и несколько благотворительных вечеров Королев выручил 11941 рубль 55 копеек. Кстати, Евграф Иванович Королев был первым антрепренером. В его антрепризе шли пьесы Гоголя, А. К. Толстого, Сухова - Кобылина, Шиллера, Шекспира.

К сожалению, "королевский театр" просуществовал на 12 лет меньше своего деревянного предшественника. 20 октября 1905 года, во время проведения в театре очередного революционного митинга здание было сожжено черносотенцами, подстрекаемыми епископом Макарием и губернатором Азанчевым - Азанчевским. Видеть это зверство Евграф Иванович уже не мог. 25 августа 1900 года на даче близ Томска в возрасте 77 лет Коммерции Советник почетный гражданин города, Кавалер Ордена Святого Владимира 3-ей степени Евграф Иванович Королев скончался. Свой небольшой капитал он оставил наследникам. Могила Е. И. Королева стерта с лица земли построенным комплексом завода "Сибкабель". И только надгробную его плиту "моют дожди, и засыпает пыль". Память о нем недостойна такого глумления. Сегодняшним предпринимателям многое можно перенять из чисто практической купеческой деятельности Е. И. Королева. Вычеркивать имена деловых людей Томска из истории нельзя.

*Суздальский В.
«Королевский» театр // Сибирская старина. –
1991. - №1. – С.10-11.*

Наиболее ярко всепоглощающая страсть к обогащению проявилась у томского купца Е. И. Королева. Он был заметной, может быть самой крупной фигурой среди томских купцов второй половины XIX в. О нем хорошо написал один из авторов газеты буржуазно-консервативного направления "Сибирский вестник": "Положим, Королев сам по себе не внушает симпатии. Сухой, бессердечный на вид, своеобразных манер старик, который никогда не внушал к себе общественного расположения. Незаметная в других, но, безусловно, всем присущая любовь к стяжанию, к деньгам, быть может, вследствие некоторой бравады дурного тона, особенно резко и ярко бьет в слова Королева. Между тем мало кто сравнится в Томске по результатам хозяйственной и общественной работы с этим выдающимся по богатству томским предпринимателем, бывшим два срока городским головой и много жертвовавшего..." В некрологе, посвященном памяти Е. И. Королева, так же упоминались его многие пожертвования в Томске и у себя на родине, в Ростове Великом. Вместе с тем анонимный автор некролога вспоминал о своеобразных ссудах Королева: половина деньгами, половина залежавшимися в лавке товарами; о том, что покойный был "удивительно скромнен в быту и его скромность доходила почти до скупости, вызывая в городе множество анекдотов". Газеты указывали на главный источник богатства Е. И. Королева — винокуренное и виноторговлю: "Ростовское товарищество, в лице прежде всего Е. Королева, все более и более расширяет свои дела. С 1 июня оно открывает в большом количестве питейные заведения по Мариинскому округу. Нет сомнения, таланты Королева найдут в кабацком деле прекрасную почву для своего дальнейшего развития". В руки Королева переходило недвижимое имущество его должников. Особенно много у него занимал виноторговец и золотопромышленник, потомственный почетный гражданин, томский купец первой гильдии Е. П. Исаев. В результате в руки Королева перешло несколько больших домов Исаева, гостиница, мельница, пароход и другое имущество. Зачастую в газетах проскальзывало ироничное отношение к Королеву и даже злорадство. Особенно сильно это проявилось при неудачных приобретениях им ветхих пароходов, которые сразу же "требовали многих затрат". В коммерческой деятельности Е. И. Королев был беспощаден к своим конкурентам и должникам. В обыденной жизни это проявлялось в грубости и пренебрежении к людям и нормам общественной жизни. Например, томский купец С. Назаров жаловался на Евграфа Королева, который на паре вороных наехал на его тележку сзади, причинив ему многочис-

ленные травмы. Самое обидное для пострадавшего было то, что улица была во всю ширину свободна для проезда, а после этого происшествия Королев скрылся за воротами своего дома, не оглянувшись. Купец Назаров побывал в редакции газеты и сказал, что, "не имея возможности требовать от г. Королева удовлетворения судебным порядком, он надеется посредством печати обратить внимание на этот возмутительный факт".

Бойко В. П.

*Томское купечество в конце XVIII – XIX вв.:
Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск.: Водолей, 1996. – 320 с.*

Братья Королевы появились в Томске где-то в 70-е годы прошлого века. Появились не с пустыми руками... в смысле, карманами. К этому времени братья уже имели в Ростове свою фирму, называвшуюся просто и без лишних затей - "Ростовское товарищество". Бизнес братьев Королевых был тоже очень прост - они торговали вином и водкой. Что касается источников капитала, позволившего братьям захватывать томский рынок, то об этом томичам ничего известно не было. Зато понятно было, что денег у товарищей куры не клюют. Первым делом они арендовали наиболее престижные и бойкие (и дорогие) торговые места на Базарной площади. Потом открыли сразу несколько питейных заведений. И немедленно после этого Всеволод Королев отбыл обратно в Ростов, а Евграф в Томске остался. Через время стало ясно, что Всеволод Королев уехал не просто так, а налаживать поставки. Ясно это стало по баснословно низким ценам в королевских трактирах - они получали "зелье" без посредников, с оптового склада в Ростове. К заведениям ростовчан образовалась не зарастающая народная тропа. Тут, правда, обнаружилось и некоторые иные черты новоявленных виноторговцев, и стало ясно, что богатство их добыто во многом простым и эффективным способом - экономией на всем. Например, совершенно излишне выбрасывать деньги на соблюдение хоть каких-то санитарных норм в "заведениях". Если на то пошло, и закусывать им сильно тоже ни к чему, так что колбаса порченая, котлеты не удалась... все равно они "ее, родимую, и будут кушать", а прочее неважно. Оттого королевские трактиры прославились немедленно и на весь город не только низкими ценами, но и жуткими безобразиями, творящимися там. Королевых немилосердно штрафовали. Те с выплатой штрафов тянули, отчего потом еще выплачивали пеню.

Чего только не рассказывали о Королевых, постоянном жителе Томска. Говорили, например, что Евграф Королев не только в трактирах своих, простите, свинячит, но и дома у себя тоже. Уж за двор, погрязший в нечистотах, его штрафовали непрерывно, рублей на 20-30 каждый раз. Меж тем вывезти воз мусора со двора стоило что-то копеек десять. Видимо, купец Королев не дает себе труда подсчитать, что дешевле: жить в грязи и платить штрафы или один раз прибраться, язвили журналисты. Зато другое Королев считать умел: денежки своих должников. В короткий срок он, подобно пауку, опутал этой «сетью» весь город. Кто только не был у Королева в долгах! На ссудах он, правда, тоже экономил. Берет у Королева ссуду какой-нибудь золотопромышленник, тот дает... половину деньгами, половину – «приисковым товаром», тем, что, значит, совершенно необходимо для путешествий по тайге: шелковыми дамскими чулками и парижским бельем, туфлями и портьерами, что на складе залежались. Не нравится? Дам на приисках не держат? Ладно, давай обратно. Да нет, наличными, наличными, с процентами! Должникам, кто возмущался, Королев спуска не давал: наезжал, как хотел. В прямом смысле. Например, один купец пострадал так: посреди абсолютно свободной проезжей части Королев наехал на его экипаж, поломал, да и ушел к себе домой. Не оглядываясь. Купец обиженный, рассказал об этом журналистам. Почему не суду? Так ведь Королев, отец-благодетель, тогда деньги назад потребует. А так – наехал, душу отвел, глядишь, и поослобонит... На сэкономленные деньги Королев расширял дело. При этом пробовал себя в самых различных сферах бизнеса. Он, например, подобно классическому "мистеру Твистеру" решил стать владельцем не только винных заводов в родном Ростове, но и пароходов в Томске. Тут, правда, экономия сыграла с ним злую шутку: куп-

ленные "по дешевке" пароходы оказались дырявы, и требовали такого ремонта, что новые купить дешевле. Пару месяцев над "Плюшкиным" потешался весь город. Потом Королев ухитрился неизвестными путями сбыть негодный металлолом неведомо кому, причем, как оказалось, не без выгоды для себя. Вообще, город напрасно потешался: дела у "скряги" шли бойко, трактиры полиция штрафовала, но они работали, принося огромные прибыли хозяину, должники расплачивались с процентами, а мусор во дворе... ну, знаете ли, у каждого свои недостатки. Притом в бур бурной деятельности Евграфа Королева имелась и другая сторона - общественно полезная. "Его" было в городе много чего. Знаменитый Троицкий собор, например, имел шанс стать "королевским" - когда после начала строительства рухнул купол, долго никто не брался за восстановление. Наконец, вызвался Королев. Подумал, посчитал - предложил Думе смету. Правда, купол предлагался деревянный, ибо так дешевле, опять же легче в смысле веса - не упадет. Дума отчего-то обиделась: мол, чего ждать от этого скупца. И отказалась. Тогда Королев решил продать Думе хотя бы заготовленный уже для собора материал. Долго торговался и уступил, но сплетен не избежал: злые языки говорили, что кирпич он не продал, а со злости выстроил из него театр и якобы говорил: «Чтобы это мой личный театр был и ключ у меня!» Злые языки старались напрасно: театр был из другого кирпича. Причем, что характерно, работал (хотя, говорят, был не ахти, тесноват, душен, с плохой акустикой - впрочем, Королева и трактиры хорошо не получались). А вот собор достраивали еще 20 лет, и тот же Королев на строительство неоднократно жертвовал - а ведь мог и обидеться... Перед церковью Королев имел и другие заслуги: например, достроил церквушку, начатую купцом Ярлыковым - начал купец ее строить, да и умер через время. Королев достроил храм, правда... экономично, как всегда, на большую колокольню тратиться не стал, сделал маленькую. Но, между прочим, при этом он еще строил храм на родине, далеком Ростове - денег на все же не хватит, особенно если учесть, что надо содержать открытый недавно братьями Королевыми детский приют, реставрировать Никольскую церковь в Томске же (ну очень просили, как не помочь). Все это - не считая мелочей типа передачи томской думе 3 тысяч рублей на учебники любить, чего бы он ни строил. Не то человек был такой вредный, не то горожане его не понимали. И говорили, что Королев благодетельствовал для наград, тем более что получал он их исправно. На сплетни купец гордо отмалчивался, чем еще более злил завистников и недоброжелателей. Они, впрочем, нашли для купца и доброе слово. В 1900 году - в некрологе. Один перечень его деяний на благо города занял едва не целую газетную колонку... Кажется, лишь тогда недоброжелатели умолкли, удивившись - вот ведь, кажется, скряга, а сколько для города сделал! И, устыдившись, скромно помянули про королевские странности: "скромность в быту, доходящая до скупости". У каждого, знаете, свои недостатки.

Сазонова Н.

Жизнь, отданная ... [купец Евграф Королев] //
Все для вас. – 2000. – №206. – С.11.

Старые названия улиц - Королевская и Большая Королевская даны по имени одного из самых богатых купцов Томска Королева Евграфа Ивановича, у которого на этой улице было построено несколько «доходных домов». Королев Е. И. (1823—1900 гг.) уроженец европейской России. Молодым пришел в Сибирь без всяких средств, поступил на службу к купцу Щекину и вскоре женился на богатой вдове Ненашевой. Обладающий практической сметкой, Королев вскоре забрал в свои руки дело и капиталы супруги, снабжал мелких золотопромышленников средствами на выгодных для себя условиях. С течением времени он построил собственный стеклянный завод, основал винокуренное дело. Эти предприятия, а главным образом, обороты с золотопромышленниками составили громадное состояние, исчислявшееся в несколько миллионов. Последнее время Королев увеличивал свои капиталы исключительно отдачей в рост денег под залог недвижимого имущества. Королев занимался благотворительностью. На устройство ремесленного училища пожертвовал два дома стоимостью более 30 тыс. рублей, необходимую обстановку и инструмент, обеспечил учи-

лище капиталом в 35 тыс. рублей. Открытое 23 февраля 1883 г. ремесленное училище долгое время оставалось в городе единственным учебным заведением подобного рода. В 1890 г. вместе с братом Всеволодом Ивановичем Королев принес в дар Томскому городскому общественному управлению двухэтажный каменный дом стоимостью в 50 тыс. рублей под богадельню и капитал в 30 тыс. рублей. Вместе с братом Е. И. Королев обеспечил также приют для мальчиков, израсходовав в общей сложности около 100 тыс. рублей. На его средства построена в Томске Преображенская (известная и как Ярлыковская) церковь. Незадолго до смерти Королев издержал на перестройку Никольской церкви более 70 тыс. рублей, был намерен достроить Троицкий кафедральный собор исключительно на свои средства, но городские власти не разрешили ему заведовать постройкой единолично, и он увез кирпич, употребив его на постройку театра. Е. И. Королев известен также и как общественный деятель старого Томска: пройдя ряд выборных должностей по городскому общественному управлению, был избран городским головой (с 1887 по 1891 г.). Был почетным попечителем Томской губернской гимназии, в 1877г. ему было пожаловано звание коммерции советника. Был избран и утвержден в звании почетного гражданина Томска. По современным планам улицу Горького совместно с Татарской улицей и частью Московского тракта предполагается превратить в заповедную зону с наиболее характерной деревянной застройкой старого Томска.

История названий томских улиц. / Под ред. Г. Н. Стариковой – Томск.: Водолей, 1998. – 320 с.

Кухтерины

Некоторые извозопромышленники переехали в Томск из других мест Сибири после того, как Томск стал крупнейшим транспортным узлом региона. Кухтерины принадлежали к числу уроженцев Тюмени и Тюменского округа. О них много писалось в современной периодической печати. Столь пристальное внимание объясняется не только размахом их предпринимательства и персональной колоритностью фигур купцов Кухтериных. Дело здесь еще и в том, что в сознании томичей происходила своеобразная мифологизация всех представителей семьи Кухтериных, объединение их в один образ умного, строгого и справедливого хозяина ("вся бухгалтерия у него в голове"), богатого и щедрого сумасброда ("сначала побьет за плохую лошадь, а потом даст денег на хорошую"), любителя погулять не только среди своих, то есть купцов, но и с возчиками, ямщиками и т. д. Популярности Кухтериных способствовала и сама фамилия, которая имела сибирское происхождение от слова "кухтарь", что означало в сибирских говорах "посох с обручем внизу на ремennom переплете и с крюком у руки; с ним зверовщики ходят на лыжах". Основатель купеческой династии, Евграф Николаевич Кухтерин (1834—1887), был из потомственных тюменских ямщиков. В 1870 г. он был приписан в томские второй гильдии купцы и занимался организацией извоза и торговлей. Его имя гарантировало высокое качество транспортных услуг, безопасность обозов на сибирских трактах и сохранность в связи с этим перевозимых им грузов. Поэтому к нему рекой потекли заказы на перевозки, и часто к нему обращались тогда, когда груз был особо ценным или опасным. Д. И. Тецков поручил в декабре 1880 г. Е. Н. Кухтерину перевезти из Томска в Москву грузы известного сибирского золотопромышленника Игнатия Кытманова. В числе грузов было: 21 тюк кости мамонтовой весом с тарою 144 пуда, пять тюков песцов рослых счетом 1765 штук, весом 23 пуда 32 фунта, 2 куля клея осетрового весом 3 пуда 8 фунтов и другие ценные предметы. При транспортировке грузов предусматривалось соблюдение обширных и строгих условий, но и плата за провоз была выше обычной. Позднее, в 1890 г., транспортная контора Кухтериных среди множества других грузов доставила в Томск 675 пудов динамита. Из них 300 пудов были отправлены дальше, а оставшиеся 375 пудов хранились на складе Ельдештейна на Киргизском тракте за пересыльной тюрьмой. В дальнейшем рамки извоза становятся для капиталов Кухтериных узкими, и они переливаются в другие отрасли сибирского хозяйства. Начало этому положил Е. Н. Кухтерин, который перед своей смертью основал торговый дом "Евграф Кухтерин и сыновья" с учредительным капиталом 300 тыс. руб., который дополнительно обеспечивался всем имуществом учредителя. Членом-распорядителем торгового дома становится старший сын Алексей, которому в то время было 26 лет. Остальные сыновья Е. Н. Кухтерина становились таковыми по достижению 25 лет. Подробные условия создания торгового дома расписаны в 26 пунктах, и никто из членов его не мог взять свою долю собственности до тех пор, пока существовала фирма. Сообща должны были вырабатываться важнейшие направления деятельности фирмы, ее стратегия и тактика. Цельность кухтеринского капитала являлась одной из причин его быстрого разрастания и проникновения во все новые сферы предпринимательства: спичечная фабрика, мукомольное дело, строительство жилых домов и общественных зданий и т. д. В конце XIX в. фирма открыла представительства и конторы в следующих городах: главная контора в Томске на Воскресенской горе в собственном доме, отделения в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Нижегородской ярмарке, Казани, Перми, Екатеринбурге, Тюмени, Иркутске, Кяхте и Троицкосавске, в Ирбитской ярмарке. Деятельность кухтеринского торгового дома на протяжении более чем 30 лет показывает, что только во второй половине XIX в. в Сибири возникают условия для формирования буржуазных династий, фирм с многолетней историей, огромными капиталами и устойчивой репутацией, которые всегда считались в буржуазных государствах гарантией политической и экономической стабильности. Крупнейший среди извозопромышленников Западной Сибири Е. Н. Кухтерин в конце жизни был владельцем 3500 лошадей, на него постоянно работало не менее 1500 ямщиков, и столько же он мог в короткий срок набрать до-

полнительно для выполнения срочных заказов. В итоге сухопутная транспортировка грузов до проведения Транссибирской железной дороги являлась важной сферой предпринимательства, и здесь шел процесс постепенного укрупнения фирм, занимавшихся перевозками, началась монополизация отрасли.

Бойко В. П.

*Томское купечество в конце XVIII – XIX вв.:
Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск.: Водолей, 1996. – 320 с.*

Кухтерины, или Куфтерины, происходили из особого сословия государственных ямщиков, которые поселились в Сибири еще во времена царя Бориса Годунова. По сведениям новосибирского историка О. Н. Катионова, Николай Кухтерин, как и его отец Тимофей, занимался извозным промыслом в Тюменской ямской городской волости. Там-то в 1834 году и родился у него сын, которого назвали Евграфом. Подросший Евграф принял дело отца и деда, а когда центр ямщины переместился в Томск, перебрался сюда. Произошло это в 1873 году, когда у Евграфа и его жены Александры Николаевны имелось уже большое семейство — Алексей, Апросинья, Александр. В Томске появились Иннокентий, Феофания, Владимир, Василий, Екатерина. Поселились Кухтерины на выезде из города, недалеко от Воскресенской церкви, в которой крестили они всех новорожденных. Усадьба Кухтериных на Иркутской улице представляла собой громадный двор, многочисленные службы, амбары, склады. В фонде томского городского маклера сохранились десятки контрактов, которые Е. Кухтерин заключал с разными фирмами о доставке в Москву, Тюмень, Ирбит, Нижний Новгород, Казань, Иркутск, Кяхту, на прииски грузов. О размахе дела говорит тот факт, что в зиму 1886/87 года, например, его транспортная контора перевезла 750 тысяч пудов кладей. Для этого понадобился труд трех тысяч ямщиков, которые управляли 15 тысячами возов, а всего в тот год через Томск прошло около 70 тысяч возов. Строительство Сибирской железной дороги разорило много торговых и транспортных фирм в Томске. Но Кухтерины выстояли и возили грузы в течение еще десяти лет после сооружения дороги. Только осенью 1907 года в томских газетах появилось объявление о прекращении ими транспортирования кладей с 1 января будущего года. Кухтерины благодарили «господ грузоотправителей за оказанное доверие в течение многих лет». Хранится в Госархиве Томской области и копия акта об учреждении 15 июля 1887 года коммерческой фирмы — торгового дома «Евграф Кухтерин и сыновья». Учредителем его стал сам Евграф Николаевич, а полным членом-распорядителем он назвал старшего, 26-летнего сына Алексея. Тот и подписывал все деловые документы «за безграмотностью» родителя. Младшие сыновья должны были войти в состав торгового дома на правах участников по достижении ими 25 лет. Передав в торговый дом все свое имущество и капитал в сумме 300 тысяч рублей, Е. Н. Кухтерин определил довольно жесткие условия деятельности фирмы. Никто из членов торгового дома не мог взять свою долю собственности до тех пор, пока существовала фирма. Размер личного имущества каждого определялся сообща, также совместно, при общем согласии, решались все другие дела торгового дома. Е. Н. Кухтерин подписывал учредительный акт, будучи тяжело больным. Предчувствуя скорую кончину, он хотел, видимо, надежнее устроить судьбу своего дела и сыновей, совсем еще молодых людей. И вполне преуспел в замысле. Торговый дом «Е. Кухтерин и сыновья» успешно действовал в течение сорока последующих лет, несмотря на все удары судьбы, обрушившиеся на его членов. 26 августа 1887 года, спустя полтора месяца после учреждения торгового дома, Евграф Николаевич скончался. Смерть его вызвала искренние сожаления многих томичей. Газета «Сибирский вестник», не имевшая особых симпатий к «чумазым», поместила прочувствованный некролог: «Покойный был обязан своим крупным состоянием личной энергии, сметке и настойчивости. До самой кончины покойный оставался совершенно простым человеком, но его разговор и беседа с ним давали всегда много поучительного и характерного для изучения ныне вымирающего уже типа доставщиков и сибирских землепроходцев. Смерть Евграфа

Николаевича составит целое событие всей сибирской мелкоты – доставщиков, которых покойный всегда поддерживал, давал им возможность питаться. Для знавших его лично это — утрата, хотя и давно ожидаемая, сердечного, оригинального, а главное, крупного по своим способностям, человека». Жесткие требования к членам торгового дома Кухтериных, закреплённые в учредительном акте, возникли, конечно, не случайно. Евграф Николаевич знал своих сыновей, не отличавшихся особым благонравием, получивших скандальную славу своими дебошами в банях, ресторанах и публичных домах. Особо пикантную пищу в «светскую» хронику местных газет поставляли братья-погодки Александр и Иннокентий. И все же не одними кутежами заявляли они о себе, деловую хватку, коммерческие таланты братья Кухтерины вполне унаследовали от отца. Не зря уже пять лет спустя после смерти Евграфа Николаевича в местной печати появился такой отзыв: «Громадный капитал, прекрасная администрация, три молодых работника в лице нынешних членов торгового дома, настойчивость и деловитость — качества, присущие персоналу и делам торгового дома «Е. Кухтерин». Продолжая извозное дело, братья Кухтерины стали вкладывать деньги в недвижимость, скупая земельные участки и возводя на них прекрасные здания, которые и в наши дни украшают город. Прежде всего, это дом на углу Нечаевской и Почтамтской, выстроенный архитектором К. К. Лыгиным в 1899 году и сданный в аренду под губернскую казенную палату и казначейство (ныне здание мэрии). В 1904 году Лыгин построил для Кухтериных еще одно здание на Воскресенской горе, которое они сначала сдавали, а через десять лет продали окружному суду за 235 тысяч рублей. Торговые операции Кухтериных, которые начались, по-видимому, с продажи чая, со временем расширялись. По свидетельству «Сибирского торгово-промышленного календаря», который издавался в Томске в 1893-1911 годах Ф.П.Романовым, Кухтерины торговали оптом и в розницу спичками, мукой, мясом и вином. Кроме того, они владели конным заводом и пасекой «Владимировкой», названной так по имени младшего брата. Промышленное дело братья Кухтерины начали с открытия в 1893 году уже упоминавшейся спичечной фабрики. В 1908 году это предприятие вошло в состав всероссийского спичечного синдиката «Русское общество спичечной торговли» (РОСТ). Причем Алексей Кухтерин, располагая 99 из четырех тысяч акций РОСТ, входил в совет этого общества. В 1899 году после смерти вдовы богатого томского купца А. Н. Пастухова Феклы Степановны Кухтерины купили все их дело и стали владельцами мукомольной мельницы и винокуренного завода в подгородном Кузовлево. Пятнадцать лет спустя после этой покупки торговый дом выстроил на берегу Томи еще одну мельницу, которая работает до сих пор. Уже сама железобетонная конструкция пятиэтажного здания мельницы была новинкой для Сибири — сообщалось в газете «Сибирская жизнь». Поражало современников то, что перемалывание зерна, набивка муки в мешки совершались на этой мельнице автоматически. Вообще, если судить по документам, Кухтерины стремились идти в ногу с техническим прогрессом. Ведь именно они совместно с некоторыми другими томскими предпринимателями стали ведущими акционерами Товарищества электрического света, которое построило в 1895 году городскую электростанцию. В числе первых в городе еще до открытия электростанции они осветили электричеством от автономных установок свои дома и предприятия. Братья Кухтерины не получили большого образования. Иннокентий учился в реальном училище, но «вышел до окончания курса», Александр имел «домашнее воспитание». Тем не менее, в Томске они пользовались немалым авторитетом. И причиной этого не только коммерческие успехи, а и отзывчивость на общественные запросы. Вклад их не сравним, конечно, с крупными пожертвованиями на нужды города, которыми прославились П.И.Макушин, П.В.Михайлов, супруги Цибульские, но и более скромная лепта Кухтериных принесла пользу. Почин положил, естественно, отец, Евграф Николаевич, он был почетным попечителем Воскресенского приходского училища, значит, жертвовал на него деньги. Однако особой щедростью не выделялся. Иное дело его дети. Старший Алексей, единственный из Кухтериных, получивший почетное звание коммерции советника, стоял у истоков создания первого в Сибири Томского коммерческого училища, возглавлял его попечительский совет. Училище открылось в 1901 году в домах, подаренных Кух-

териными. Когда руководство училища затеяло строительство более солидного каменного здания, Кухтерины купили для него участок земли на Воскресенской горе (теперь в этом здании «красный» корпус архитектурно-строительного университета). За несколько лет до создания коммерческого училища на средства Кухтериных открылся городской ночлежный дом, Алексей пожертвовал трехэтажный дом на родильный приют и вместе с женой состоял в попечительском совете этого лечебного заведения. В те же годы Алексей был избран в почетные члены Общественного собрания, внося в фонд строительства здания (ныне Дом офицеров) 10 тысяч рублей. Он помогал становлению Томского общества садоводства и одно время был его председателем, поддерживал и развитие научных исследований. Так, в 1892 году направил тысячу рублей на устройство химической лаборатории университета, финансировал экспедиции профессора С. И. Залесского по изучению целебных свойств сибирских озер. Далеко не случайно, следовательно, Алексей Кухтерин находился среди тех именитых граждан Томска, которые поднесли приветственный адрес наследнику престола Николаю Александровичу во время пребывания его в нашем городе в 1891 году. Четыре года спустя Алексей вошел в состав томской делегации на торжествах коронации Николая II. Монархистские убеждения Алексея Кухтерина оформились в годы первой русской революции, когда в Томске, как и повсюду в стране, началось массовое создание политических партий. Первоначально он вошел в Союз русского народа, но вскоре перешел к октябристам и был избран в бюро, а затем и председателем Томского отдела Союза 17 октября. Второй по старшинству брат Александр носил звание купца второй гильдии. Как и отец, он был гласным, то есть депутатом городской думы, служил церковным старостой и попечителем церковно-приходской школы при Петропавловском храме, который был выстроен на средства торгового дома в поселке спичечной фабрики в 1908 году. Филантропические свойства характера Александра проявились в годы войны с Германией, когда он помогал городским властям в обеспечении продовольствием бедных граждан. Подобно старшему брату. Александр Кухтерин оказывал поддержку томской науке. В 1913 году, например, он был избран почетным членом аэрокружка при технологическом институте за пожертвование тысячи рублей. Современники отмечали инициативность в качестве главной черты личности Иннокентия, имевшего звание потомственного почетного гражданина. Ему во многом принадлежала заслуга расширения промышленной деятельности фирмы. А в 1901 году, когда в Томске открылась товарная биржа, именно Иннокентия Кухтерина выбрали председателем Биржевого комитета и переизбирали на этом посту еще два раза. От выборов на четвертое трехлетие он отказался сам. Несмотря на свой буйный нрав, а возможно как раз поэтому, Иннокентий много жертвовал на нужды церкви. Он купил на Ирбитской ярмарке и доставил в Томск большой крест для Воскресенской церкви, основал и содержал церковно-приходскую школу при этом храме, помогал Татьянинскому приюту для детей, сирот переселенцев. Одновременно Иннокентий работал в качестве казначея Томского губернского попечительства о детских приютах, возглавлял губернский комитет о тюрьмах, был вице - директором Томского общества поощрения коннозаводства. Чтобы полнее обрисовать облик братьев Кухтериных, нужно сказать и об их женах, которые тоже оставили заметный след в жизни Томска. Супруга Алексея Александра Архиповна работала в Обществе попечения о начальном образовании, в обществе для доставления средств Сибирским высшим женским курсам, коллекционировала картины, поощряя творчество сибирских художников. Жена Иннокентия Екатерина Никифоровна вместе с другими дамами Томска устраивала столовые для детей, жертв голода 1901-1902 годов. В отличие от Евграфа Николаевича, не всем его сыновьям довелось испытать радость отцовства. Браки Алексея и Александра остались бездетными. Иннокентий же, проживший в браке почти десять лет и имевший троих детей, был покинут женой, которая, сбежала от него в Москву. Но детей он ей не отдал, ведь они были единственными наследниками торгового дома. Беспокойная жизнь кухтеринских сыновей оборвалась довольно рано. 1 марта 1911 года скончался от воспаления почек Алексей. Став ненадолго главой фирмы, Иннокентий погиб в августе того же года в пьяной драке с поручиком Лопузиным, который пустил ему пулю в живот. В

последние шесть-восемь лет торговый дом возглавлял Александр, уступавший во многом своим братьям, но все же успешно справлявшийся с делом. Помогал и бессменный управляющий делами фирмы М.Н.Накрохин, которого после гибели Иннокентия даже прочили в руководители торгового дома. На примере семьи Кухтериных видно, как бывшие ямщики и приказчики постигали премудрости коммерции, добивались жизненного успеха. В книге В.П.Бойко о томском купечестве содержится немало интересных сведений о жизненном пути других томских предпринимателей, людей, по словам исследователя, «незаурядных по волевым и интеллектуальным качествам».

Томск: История города от основания до наших дней. / Под ред. Н. М. Дмитриенко. – Томск. – Изд-во ТГУ. – 1999. – 430 с.

Известно, что основатель династии, Николай Кухтерин, был тюменским ямщиком. Известно также, что в 1834 году у него родился сын, Евграф... Это присказка, дальше начинается сказка. И это немудрено, поскольку, когда Евграф Николаевич, ямщицкий сын, появился в Томске, он был уже богат далеко не как простой ямщик. О годах же, предшествовавших появлению в Томске нашего героя, томичам не было известно решительно ничего. Кухтерин на вопросы пожимал плечами: ну... работал, грузы возил - чего особенного? А потом... стал первой гильдии купцом. Нет, тут что-то не так, говорили знающие люди. Знаем мы, как все они богатеют... Известный всем способ обогащения назывался "чае-резанием", проще грабежом и разбоем. Подстерегали разбойнички обоз с товаром, ямщика - кистенем по голове, товар (тогда чаще всего возили по Сибирскому тракту китайский чай) - себе. Иные, скопив так некоторый капитал, оставляли криминальный промысел и начинали заниматься... другим криминальным промыслом (привычка!), но уже более или менее легальным - например, виноторговлей. Правда, что касается Кухтериных, то тут была неувязка - ни к винному делу, ни к какому-либо еще криминалу они отношения не имели, фирма их занималась всего лишь перевозками грузов, причем хозяин имел среди постоянных клиентов репутацию абсолютно порядочного партнера, что с легендой о "чае-резании" не вязалось. Так что логичнее было предположить, что Кухтерин шел к богатству постепенно - сперва возил грузы сам, потом стал нанимать одного-двух ямщиков, потом больше, потом... Правда, это требует работы сутками, деловой хватки, наконец, просто везения и занимает при хорошем раскладе... лет двадцать-тридцать. Но это не так интересно. А потому легенда о "чаерезах" Кухтериных стала первой из многих... Дальше основания для обывательского мифотворчества дали уже сами купцы. Поначалу Кухтерин ничем особым не выделялся - конечно, был он небеден, ну да мало ли в Томске таких? Разве что вот "благодаря" сыновьям иной раз всплывала фамилия Кухтериных в городских газетах: к примеру, одна из них как-то живописала дебош, учиненный "купеческими сынками Александром и Иннокентием Кухтериными" (17 и 18 лет) накануне Рождества, когда добрые люди постятся и в церковь ходят. Они-де, напившись пьяны, поехали в публичный дом, оттуда в баню с девицами... Повеселились, в общем, пацаны. Оттого никого не удивляло, что беспокоился, глава семейства о судьбе фирмы и крепко думал, как делу помочь. И придумал, конечно - Кухтерину ли с его умом да хваткой (даром, что грамоте был неучен) не придумать? 15 июля 1887 года появился на свет торговый дом "Евграф Кухтерин и Сыновья". Учредителем фирмы стал Кухтерин-старший, сыновья же были представлены... старшим, 26-летним Алексеем. Младшим следовало еще дорасти до такой чести: раньше 25 путь в бизнес им был заказан: пусть, решил (и записал в документах фирмы) Евграф Николаевич, перебесятся, женятся, остепенятся... . Буде же не случится того, разработан был жесткий устав: все в фирме решается братьями только сообща, и никто не имеет права, забрав свою долю имущества, из дела выйти, пока фирма существует - так что захочешь промотать отцовские денежки, да не тут-то было! Впрочем, вскоре оказалось, что братья Кухтерины хоть и буйного нрава господа, но не транжиры и от отца унаследовали не только капитал. Выяснилось это скоро -

через месяц после основания торгового дома Евграфа Кухтерина не стало. Торговый дом не сменил ни название, ни устав, но изменил политику: именно братья Кухтерины дали основания для разных легенд и слухов мифических кладов, будто бы зарытых где-то главой семейства. Казалось, они не знают удержу: строят дома на Миллионной, делая заказы у "дорогого" архитектора К. Лыгина, скупают предприятия, которыми сроду не занимались, - конный завод, пасеку, винный завод и мельницу в Кузовлево, строят спичфабрику... Да это что - вскоре Кухтерины выстроили первую городскую электростанцию. Жаль, не стали они "раскручивать" это дело, подобно Ленину с его "лампочкой Ильича" - то-то была бы реклама... Хотя в рекламе братья не нуждались: поскольку жениться они женились, а вот остепениться... И рассказывали про Кухтериных: мол, вышел как-то Кешка Кухтерин на улицу, видит, ямщик. Подошел - раз и в глаз. Как, мол, каналья, лошадь запряг?! Ну ладно, на тебе четвертной, за обиду. Или еще - мол, рабочие спичфабрики как норму сделают, так хозяева им водку ставят, а жене - детишкам - подарки. Или еще... Да разве все перескажешь? Словом, славились Кухтерины в Томске как "строгие, но справедливые", "добрые и щедрые", "невероятно богатые, потому что кладов зарыты"... хотя кладов не было, конечно. Просто братья вовремя поняли, что на смену лошадам идут "кони стальные", железная дорога. Так что капитал надо вкладывать в другие отрасли. В то время, как другие разорялись, Кухтерины в 1907 году достойно ушли из транспортного бизнеса - о чем сообщили в газетах, не забыв поблагодарить партнеров "за оказанное доверие в течение многих лет". А еще через четыре года начался закат "великой фирмы"... Судьба играет человеком... Нет, Кухтерины не сделали ни одной ошибки, не пустили по ветру отцовское состояние, не ударились в авантюры. Просто в 1911 году от воспаления легких умер старший брат, Александр. Управляющим фирмой стал Иннокентий. Говорили о нем, конечно, что дебошир и не хозяин... Может быть, однако правда и то, что проявить себя он не успел - вскоре нелепо погиб от пули в какой-то пьяной разборке. Фирму возглавил следующий по старшинству брат, Александр. Не смотря на череду несчастий, он надеялся на лучшее: фирма работала, скоро должно было исполниться 25 лет младшему брату, Владимиру... Тем временем грянул семнадцатый год. Последняя легенда о Кухтериных звучит так: когда большевики захватили власть в Томске, рабочим "спички" предложили выбрать депутата в Совет. Они выбрали... Александра Евграфовича, любимого хозяина. Как ни шумели комиссары, пролетариат стоял на своем: хотим хозяина в депутаты, и все тут. Это вы, товарищи, его "эксплуататором" кличете, а мы от него худого не видели... Никаким депутатом Александр Евграфович не стал, конечно. На том и закончилась история Кухтериных.

Сазонова Н.

Быль и легенда Кухтериных [династия сибирских купцов] // Все для вас. – 2001. - №243. – С. 30.

О торговом доме «Евграф Кухтерин и сыновья» стало известно в Томске задолго до строительства спичфабрики «Заря» (ныне «Сибирь»), которая в июне 1990 года отпраздновала свое девяностолетие. Готовясь к этой дате, совет музея истории спичфабрики собрал и изучил немало документов и воспоминаний о прежних хозяевах. Основателем династии Кухтериных был простой сибирский мужик, начавший восхождение к своим несметным богатствам с извоза на одной лошадке, а закончивший его хозяином трех тысяч лошадей и работодателем для полутора тысяч извозчиков. Поговаривали даже, что не гнушался Евграф Кухтерин различными махинациями и даже разбоем на глухих дорогах. В зимнее время особенно был распространен захват переднего обоза. Обозы по тракту растягивались на большое расстояние, рядом с возами шли мужики в огромных тулупах и тяжелых валенках, а мимо них, прямо по целине, проносились тройки с лихими ездоками. И когда такая тройка останавливалась перед обозом, мужики чувствовали неладное. Но пока они добирались до первого обоза, тройка уже уносилась, увлекая за собой лошадь с кладью, а на месте оставался лишь убитый или оглушенный возница. Никто теперь не знает точно, на чем были основаны слухи и легенды, но в 1874 году купцу I гильдии Евграфу Кухтерину городской

Думой было разрешено открыть контору по транспортировке и отправлению товаров. У Евграфа Кухтерина было четыре сына. Братья вели хозяйство совместно, придерживаясь лишь условного разделения обязанностей. Трое из них были равноправными распорядителями торгового дома. Четвертый сын был слаб умом и распоряжаться кредитом не мог. Кухтеринским принадлежали наиболее красивые здания Томска. Мы сейчас их знаем как здания горисполкома, художественной школы, Дома офицеров, электромеханического техникума. Дома их были разбросаны по всему городу, но основная «поместная» усадьба находилась на Воскресенской горе по Иркутской ул. (ныне Пушкина) от Воскресенской церкви до площади Соляной, включая здание окружного суда. Вплотную к зданию суда примыкали двухэтажные каменные кладовые с подвалами, фасадом на Кузнечный взвоз. Многие из этих зданий сейчас названы памятниками архитектуры. Один из сыновей Евграфа — Иннокентий, председатель Томского биржевого комитета, первого по времени учреждения в Сибири, и был хозяином спичфабрики «Заря». В 1900 году торговый дом «Е. Кухтерин и С» довел до сведения господ покупателей: новую фабрику в ход пустили, будут продаваться спички в собственной лавке в гостином дворе. Фабрика строилась в живописном месте, среди леса, рядом — пруд с песчаным дном (он исчез при строительстве железной дороги). Даровой лес, дешевая рабочая сила, удобный сбыт продукции по железной дороге давали возможность получать огромные доходы. Из Германии и Швеции в Томск были выписаны паровые машины, деревообрабатывающие станки. Одновременно с фабрикой рос и поселок. Засверкала куполами церковь Святых апостолов Петра и Павла, построили дом под больницу, дом для батюшки и дьякона и трехэтажный деревянный дом для семьи Кухтериных, где они отдыхали летом. Зимой второй этаж этого дома использовался под школу. Для рабочих строились бараки, кому не хватало в них места, селились в землянках на берегу оврага. Как вспоминали старожилы, работали на фабрике все: и взрослые, и дети. Мужчины за свой труд получали по 35 рублей, а женщины и дети — по 30-25 рублей. В те времена это были большие заработки, если учесть, что корона стоила 25 рублей, а пуховый платок — 9-10 рублей. Недостатка в рабочих руках не было, всего на фабрике работало 400 человек. Норма на день была — 300-400 коробков спичек. В каждый коробок укладывали по 50 штук, положить на одну-две больше еще допускалось, а вот - не доложить 2-3 спички было нельзя, за это брали штраф. Кухтерины продавали спички в своей лавке, на каждом коробке стоял их фирменный знак, и стоил такой коробок девять копеек (столько же, сколько стоило одно яйцо). Норму можно было выполнить всю разом, сдать мастеру, прибрать рабочее место и идти домой. Если у какой-нибудь работницы возникала необходимость уйти (замесить квашню, испечь хлеб или накормить ребенка), то мастер отпускал ее при условии, что она свою норму выполнит потом. Жили рабочие в больших комнатах, по четыре семьи, каждая семья отгораживала свой угол занавеской. Спали все вместе, и взрослые, и дети. Семьи старались жить дружно. Работа требовала много сил, поэтому рано ложились спать и рано вставали. Обедали на фабрике. Кормили бесплатно, суп был наваристый, с большим куском мяса. Дети обычно его не съедали, несли домой. В то время детский труд был запрещен, но использовать его было выгодно. Дети работали на набивке, руки у них ловкие, им легче было складывать спички в коробки. Работа велась вручную, автоматов не было. Когда на фабрику приезжала инспекция по проверке детского труда, ребята прятались в ящики из-под спичек и сидели в них как мышки. Если дети не слушались мастера, портили оборудование, штрафовали их родителей. К каждому празднику давались подарки: взрослым — голову сахара, муку, мясо, бутылку водки. Детям дарили кульки с конфетами и пряниками. У каждого рабочего была книжка, в которую записывались продукты, взятые для семьи на месяц, а из зарплаты сумма за продукты вычиталась. Продукты были разные и хорошего качества. Кроме того, на территории фабрики была скобяная лавка, где можно было купить разную домашнюю утварь. Дети очень любили, когда на фабрику приезжал сам хозяин Иннокентий Евграфович. Своих детей он не имел и всегда приезжал с полными карманами конфет, чтобы угостить ими ребятшек. По отзывам многих потомственных рабочих, Иннокентий Кухтерин пользовался большим уважением у людей поселка — фабри-

ка давала работу и угол для житья, а это в то время было главное, потому что в городе на работу трудно было устроиться. После революции, когда фабрику национализировали, рабочие избрали хозяина своим первым директором. Большинство рабочих трудились честно и жили хорошо, поэтому не изъявляли недовольства. Возмущались хозяином, а позже директором только лодыри и пьяницы. Смерть Иннокентия Кухтерина была трагична и нелепа. Его застрелил пьяный офицер. Похоронен он в склепе под церковью Святых апостолов Петра и Павла. Актив музея спичфабрики продолжает сбор материалов о семье Кухтериных, столько сделавших для экономического подъема Томска, а также материалы о старейших рабочих фабрики, о трудовых династиях. Ведется летопись трудовой славы. Многие факты и события взяты из бесед с Анной Федоровной Скоробогатовой. К сожалению, нет ее больше, но рассказы, живые и поучительные, записанные членами совета музея в конце восьмидесятых, сохранили память о прошлом. Беседовали с Анной Федоровной Тая Козлова и Юлия Симакова.

Голубева Л.

Кухтеринские спички // Томский вестник. – 1992. - №77.

Из всех Томск их богачей, пожалуй, самый известный - Кухтерин. Как только не называли его некоторые авторы - и королем ямщиков, и душегубом, намекая на то, как, по их мнению, нажил он свои миллионы. И очень в этом ошибались. Из документов известно, что семейство Кухтериных занималось ямщиной в Тюмени с самого начала девятнадцатого века. Значит, глава томского рода Кухтериных Евграф Николаевич, получил в законное наследство и немалую деловую сноровку, и материальные средства. И очень толково ими распорядился. Дело продолжили после смерти отца в 1887 году дети, а их у Евграфа Николаевича и его жены Александры Николаевны было семеро - сыновья Александр, Иннокентий, Василий (правда, он утонул в детстве), Владимир, дочери Апрсинья и Феофанья. Фирму "Е. Н. Кухтерин и сыновья" с 1887 года и до своей смерти в марте 1911 года возглавлял старший из братьев, Алексей. Затем руководство торговым домом перешло к Иннокентию, но в том же году, в августе он погиб от пули собутыльника. В последующие годы дела вел Александр, опираясь на помощь управляющего М. Н. Накрохина. Судя по архивным документам, из всех дееспособных братьев (говорят, Владимир был очень болен), детей имел только Иннокентий. Они-то, и старший из сыновей, тоже Алексей, скорее всего и должны были наследовать громадное наследство торгового дома, оцениваемое суммой почти в пять миллионов рублей, вложенных в недвижимость, торговые и промышленные предприятия. Самые значимые из них - крупнейшая в Сибири спичечная фабрика, которая работает в Томске и по сию пору, винокуренный завод, механизированная мукомольная мельница, паша.

Михайлова Н.

Наследник кухтеринских миллионов // Томская старина. – 1992. - №1. – С. 28.

Михайлов

Петр Васильевич Михайлов принадлежал к числу наиболее видных граждан Томска. Он родился в 1832 году в семье Вологодского мещанина. Как и большинство выходцев из низших сословий, П. В. Михайлов не получил хорошего образования. Он окончил лишь начальную школу (уездное училище в Вологде), и больше учиться ему не пришлось. Тогда и это было неплохое образование. Многие купцы имели лишь "домашнее воспитание", едва знали грамоту, а то и новее не могли даже расписаться. Недостаток образования компенсировали практическим опытом, приобретенным в родительской лавке или службой в "мальчиках" и приказчиках. Первые уроки торгового дела П. В. Михайлов получил у отца. Затем прошел хорошую "школу", будучи приказчиком у крупного елабужского (в г. Елабуге вятской губернии) торговца И. Стахеева.

В 1852 году в качестве доверенного этой фирмы он приехал в Томск. Было ему в то время 20 лет. В 1862 году накопив определенный капитал, М. В. Михайлов вместе с С. П. Петровым открыл собственное дело, учредив в Томске торговый дом "Петров и Михайлов" с объявленным капиталом около 15 тыс. руб. Эта фирма развернула торговлю в основном мануфактурными товарами (тканями и одеждой), а также чаем и сахаром. Она торговала не только в Томске, но и в Барнауле, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Верпом (ныне Алма-Ата), в Подмосковье. В Томске на Миллионной улице (ныне проспект Ленина от площади Ленина до Черемошников) ей принадлежал один из лучших магазинов города. Торговый дом Петрова и Михайлова был одной из наиболее крупных фирм по торговле мануфактурными товарами с годовым оборотом около 500 тыс. руб. и ежегодной прибылью около 25 тыс. руб. Крупный капитал давал возможность им по-новому организовывать свою торговлю, применять передовые методы реализации товаров, иметь лучшие в городе торговые здания

Постепенно росли масштабы операций торгового дома. В 1879 году его торговый оборот составил 1,2 млн. рублей.

В 1896 году Петров по преклонности лет вышел из торгового дела, и Михайлов стал единоличным предпринимателем. Позже, в начале XX века, в Томске возник новый торговый дом - «Михайлов и Малышев».

В списке богатейших предпринимателей Томска П. В. Михайлов значился вторым, после торгового дома "Кухтерин и сыновья". Одним из первых среди томских торговцев П. В. Михайлов обзавелся промышленными предприятиями. В 1870 году он построил в Томске воскобельно - свечной завод (для выделки пчелиного воска и производства восковых свеч). Это было небольшое предприятие мануфактурного типа. Известно, что в 1890 году оно произвело свечей на 47,4 тыс. рублей.

В 1881 году П. В. Михайлов совместно с З. М. Цибульским открыл кирпичный завод специально для строительства Императорского университета (ныне Томского государственного университета). В начале 90-х гг. П. В. Михайлов стал единоличным владельцем этого завода, а в конце того же десятилетия оборудовал его паровым двигателем. Завод явился первым в Сибири кирпичным предприятием фабричного типа. Завод должен был в течение трех последующих лет поставлять по три миллиона штук кирпича ежегодно по приемлемой цене (12 рублей за тысячу с доставкой), тогда как у других предпринимателей цены были довольно высокие, до 18 рублей за тысячу. Завод также стал первым в Сибири производителем стройматериалов. Из выпущенных им кирпичей были выложены первые корпуса нынешних СГМУ, ТГУ и ТПУ. Кроме того, томский кирпич вывозился в соседние губернии. К примеру, из него построены старые здания неподалеку от железнодорожного вокзала в Новосибирске. В настоящее время бывший кирпичный завод П. В. Михайлова - это Томский завод керамических материалов и изделий (ТЗКМИИ). Он находится на прежнем месте, теперь это ул. Нахимова, 11. В 2001 году завод отпраздновал свое 120-летие.

Как отмечала "Сибирская газета", П. В. Михайлов пользовался "безупречно солидной репутацией в коммерческой среде". Это подтверждается, например, тем, что в течение ряда лет он являлся членом учетных комитетов при Томском и Иркутском отделениях Государственного банка, а также при Сибирском общественном банке в Томске. На такие должности, как правило, избирали предпринимателей авторитетных и уважаемых.

Возглавляя крупное торгово-промышленное дело, Петр Васильевич Михайлов выполнил и разного рода общественные обязанности: 35 лет пробыл старостой Богоявленской церкви, более четверти века служил почетным блюстителем духовной семинарии и одновременно несколько лет почетным блюстителем Алексеевского реального училища. Он был также директором попечительного о тюрьмах комитета, почетным старшиной Мариинского детского приюта.

Дважды - в 1883-1887 и в 1890-1893- годах П.В. Михайлов избирался Городским головой, возглавлял Томскую думу и управу. Вступив в должность, Петр Васильевич, прежде всего, посетил все начальные училища города. Посещение училищ показало, что начальное образование в городе испытывает серьезные трудности. Развитие его стало одним из главных в деятельности томских властей и общественности. П. В. Михайлов оказывал всяческое содействие созданным в 1882 г. училищной комиссии при городской управе и Обществу попечения о начальном образовании в Томске. Он и сам в числе первых вступил в почетные члены этого общества, внося в его фонд 115 руб. (вступительный взнос составлял 50 руб.).

Немало помогал П. В. Михайлов учебным заведениям Томска, будучи в разное время почетным попечителем Воскресенского приходского и Алексеевского реального училищ и духовной семинарии. Известно, например, что в 1881 г. он подарил реальному училищу верстак с набором инструментов и токарный станок с набором инструментов, а также пожертвовал 100 руб., а в 1882 г. отремонтировал здание духовной семинарии. При нем летом 1883 г. была открыта первая в Сибири бесплатная амбулатория для бедных с аптекой, начата подготовка к строительству городской электростанции, открывшейся в конце 1895 г., началось сооружение железной ветки Томск- Тайга.

В полной мере проявил Петр Васильевич Михайлов свои деловые качества и организаторские способности во время страшной холерной эпидемии в Томске в 1892 г. Без его решительных и энергичных действий жертв могло быть значительно больше.

Возглавляя местное самоуправление, П.В. Михайлов навел порядок в городских финансах. Большое внимание П.В. Михайлов как Городской голова уделял мощению улиц. Этому делу особую важность придавали частые пожары в Томске, и невозможность из-за грязи проехать пожарным машинам по многим улицам. Конечно, каких-то коренных изменений в этом отношении не произошло, но все же некоторые улицы заметно преобразились. П.В. Михайлов немало сделал для организации противопожарной безопасности в Томске. Когда в 1882 г. образовалось Томское добровольное пожарное общество, он подарил ему новую пожарную машину стоимостью 200 руб. Через год, во время празднования годовщины общества, пожертвовал еще 2 машины: одну лично от себя, а другую от торгового дома. Депутация от членов общества выразила ему за это "сердечную благодарность".

Заметным событием в жизни Томска при П.В. Михайлове стала закладка осенью 1886 городского сада, который является до сих пор любимым местом отдыха томичей.

П.В. Михайлов первым обратил внимание гласных Думы на необходимость устройства в городе водопровода, и в 1885 г. появился самый первый водопровод в Томске на территории Томского университета. К сожалению, городские власти не смогли добиться расширения и постройки водопровода для всего города, так как не встретили понимания со стороны университетского руководства.

Петр Васильевич Михайлов являлся одним из самых щедрых томских благотворителей. Его активная общественная благотворительная деятельность снискала ему широкое признание и уважение.

Он был очень набожным человеком и щедро жертвовал на церковные нужды, Петр Васильевич участвовал в строительстве архиерейской церкви в Томске (сейчас в этом здании расположен Малый концертный зал филармонии), построил каменный собор в Усть-Каменогорске, миссионерскую церковь в Семипалатинске, деревянные храмы в двух селах Томской губернии. В Богоявленской церкви в Томске Михайлов П.В. служил церковным старостой бессменно 35 лет. В 1855-м был заложен и отстроен на средства купцов С.П. Петрова и П.В. Михайлова новый придел, освященный во имя Архангела Михаила. Был отремонтирован и придел во имя Пророка Божьего Илии, в нем установили новый иконостас. Этот иконостас достраивал с 1886 года по 1894 на свои средства церковный староста купец П.В. Михайлов. Всего на ремонт Богоявленской церкви в Томске П.В. Михайлов затратил около ста тысяч руб-

лей.

Но главной его заслугой было руководство строительством томской "жемчужины" – Троицкого кафедрального собора. В 1884 году П. В. Михайлов возглавил комитет по восстановлению рухнувшего более 30 лет назад, собора и почти 17 лет организовывал его работу. Потомственного почетного гражданина Петра Васильевича Михайлова по справедливости следует считать главнейшим деятелем по постройке собора. Чтобы сдвинуть эту замороженную еще в 1850 году стройку с мертвой точки, он организовал и оплатил из личных средств подготовительные работы, а также пожертвовал на нее более двух миллионов штук кирпича и до 40 тысяч рублей деньгами. П. В. Михайлов, привыкший в каждое дело вкладывать долю чувства, к каждому делу относился горячо, с увлечением. Только благодаря его усердию, с 1885 года была возобновлена деятельная постройка собора и в 1900 году закончена.

Хотя и скромно, но оцепили его труд томские власти. В 1902 году Городская дума вынесла ему благодарность и решила поместить его портрет в зале Томской городской Думы (ныне кинотеатр "Пионер") с надписью: "За пожертвования и личные труды по застройке новой собора". Троицкий кафедральный собор стал главным украшением города.

За свою общественную и благотворительную деятельность, за усердие П.И. Михайлов был награжден многими государственными наградами. Это золотая медаль па Станиславской ленте (1870 г.) и шесть орденов: святой Анны 3-й степени (1877 г.), святого Станислава 2-й степени (1883 г.), святой Анны 2-й степени (1883 г.), святого Владимира 4-й степени (1887 г.), святого Владимира 4-й степени (1888 г.), святого Владимира 3-й степени (1891 г.). Сравнительно редкий случай: дважды он награждался орденом святого Владимира одной и той же степени.

Трудно представить все добрые дела и пожертвования купца П.В. Михайлова. Знаменитый томский предприниматель, общественный деятель, он активно участвовал в работе Томского благотворительного общества, основанного 6 апреля 1886 года. Цели, продекларированные в программе этого общества, были самыми благородными: борьба с нищенством, выделение бесплатного питания нуждающимся, помощь в воспитании сирот. В дни больших праздников для городской бедноты устраивались бесплатные концерты, театральные представления и обеды. Однажды П.В. Михайлов пожертвовал для них более трех топи собственной муки. Немало помогал П.В. Михайлов и детским приютам. Так здания Владимирского детского приюта, основанного в 1869 году в память посещения Томска Его Императорским Высочеством Великим Князем Владимиром Александровичем, сооружены пожертвованиями купцов П.В. Михайлова и С. П. Петрова. В последующем они же взяли на себя заботы по содержанию приюта. Приют размещался в двух зданиях между Владимирским (ныне ул. Тимакова) и Тюремным переулками (ныне Клинический переулок). Владимирский приют был рассчитан на воспитание 45 мальчиков и столько же девочек. Они получали здесь начальное образование и одновременно обучались разным рукоделиям: вязанию чулок на машине, переплетному и сапожному делу. Постановка ремесленного обучения во Владимирском приюте считалась лучшей среди подобных заведений города. П. В. Михайлов вносил также средства на содержание Мариинского детского приюта. Сейчас в этом здании находится стационар облтубдиспансера (ул. Р. Люксембург, 17. На средства П.В. Михайлова и иркутского купца Сибирякова И.М. возведена в 1891-92 годах трехэтажная постройка к зданию бесплатной библиотеки под Музей прикладных знаний, по переулку Хомяковскому (сейчас что пер. 1905 года). Музей работал до 1919 года, а здание стоит до сих пор.

На "правление" П.В. Михайлова пришлось такое примечательное событие в стране, как коронация в мае 1883 года нового российского императора Александра III. Городской голова руководил торжествами по этому поводу в Томске, а затем выезжал во главе делегации города в Петербург для "принесения поздравлений Государю Императору. Встречался он и с наследником Николаем. Это произошло в июле 1891 года, когда будущий император, цесаревич Николай Александрович Романов, проезжал через Томск. Многие томские купцы хотели принять участие в отделке губернаторского дома к приезду будущего императора, но такая честь была оказана П.В. Михайлову. Он потратил огромные средства для того, чтобы в сжатые сроки провести внутренние работы в только что отстроенном здании для губернатора. П.В. Михайлов выписал и привез из Москвы обои, гобелены, портьеры, мебель и роскошно обставил комнаты губернаторского дома. В день приезда цесаревича 5 (17) июля 1891 года Томск был неузнаваем,

весь украшен трехцветными национальными флагами, цветами и зеленью. На въезде в город по Иркутскому тракту устроили павильон, три комнаты которого устлали коврами. Здесь и произошла встреча царственного гостя. Городской голова П.В. Михайлов преподнес ему на серебряном блюде, украшенном императорским и томским гербами, традиционные хлеб-соль. Хлеб был черный, ведь Томская губерния славилась рожью.

Самый крупный его вклад на нужды города - 100 тысяч рублей и участок земли стоимости в 20 тысяч, завещанные им в 1906 году на постройку детской больницы.

Думой был создан строительный комитет, который объявил конкурс на составление проекта здания. В конкурсе участвовало 19 проектов. Алевтина Петровна Михайлова самолично выбрала один из них - проект томского архитектора Александра Линецкого. Детальную разработку эскизного плана осуществил томский архитектор Ф. Федоровский. Торжество закладки детской больницы состоялось шестого мая 1915 года.

Последние годы (по крайней мере, с 1900 года) Петр Васильевич жил в Москве. Руководителем его предприятия в Томске стал служащий Дмитрий Григорьевич Малышев. В 1902 году он был принят в дело в качестве компаньона. Образовался торговый дом "Михайлов и Малышев".

2 ноября 1906 года Городской Голова П. М. Некрасов доложил Городской Думе о том, что в Москве скончался Потомственный Почетный Гражданин Петр Васильевич Михайлов. При этом было отмечено, что Петр Васильевич известен населению г. Томска как местный крупный торговец и общественный деятель в качестве гласного Думы и Городского Головы, но еще более известен как крупный жертвователь на постройку Томского кафедрального собора и его фактический строитель. Затем Дума постановила: тело Петра Васильевича Михайлова встретить, с особой торжественностью и возложить венок от имени Томской Городской Думы, а также просить Д.Г. Малышева уведомить Думу, когда состоится погребение. Уведомление пришло 6 ноября на фирменном бланке торгового дома "Михайлов и Малышев".

Петр Васильевич Михайлов был похоронен с особой торжественностью в ограде Троицкого кафедрального собора 7 ноября 1906 года. Там же в ограде Троицкого собора упокоилась в 1915 году и его жена, Алевтина Петровна Михайлова.

Над могилой П. В. Михайлова возвели часовню из мрамора и гранита, с зеркальными дверями. В годы борьбы с религией снесли и собор, и часовню. На их месте разбили сквер, накатали асфальт. Если идти по скверу на Ново-Соборной площади к Дому ученых по крайней слева аллее, вдоль трамвайных путей, то, пройдя половину пути, увидишь слева вставшие полукругом старые тополя, раньше они окружали часовню. В центре этого почетного караула и спит вместе с супругой хороший русский человек Петр Михайлов. Он обладал своей особенной внешностью, недюжинным и своеобразным характером, стремился к добру и свету. Он заслужил, чтобы его помнили таким, каким он был.

В Томске есть необычный памятник Михайлову П. В. – это роща, названная его именем. Михайловская роща являлась частным владением Петра Васильевича. И была она необыкновенно красива близостью к реке Ушайке, отражавшей белые стволы берез. На фоне этих берез дача Михайлова смотрелась сказочным теремом. Неподалеку, в конце пер. Мариинского, на краю рощи, стояла дача его компаньона, Малышева, и первоначально роща называлась рощей Михайлова и Малышева, затем просто Михайловской. Дачу купцов Малышевых снесли при продолжении Казанской улицы в гору за Ушайку.

Михайловская роща была известна своим садово-парковым ансамблем. После Университетской рощи этот парк считался вторым по редкости древесных насаждений. Некоторые необычные деревья для Сибири можно увидеть и сейчас: какой-то необычный клен - с более крупными листьями, изогнутая, но буйно цветущая липа и еще какие-то породы деревьев, которые трудно угадать. Парк украшали каменные гроты, тенистые аллеи, обрамления склонов. Природным бутовым камнем оформлены родники, их было несколько. Имелся нижний парк, разбитый на острове в пойме Ушайки. Аллеи верхнего парка имели песчаное покрытие и были обсажены декоративными кустарниками и деревьями. Сейчас песок с дорожек давно смыт дождями и снегами. Но самая главная достопримечательность парка - фонтан "Кедр" - сохранился, вернее чаша фонтана и высокий кедр в центре. Фонтан был устроен в кроне живого кедрового дерева. Вода поступала по трубкам, равномерно распределенным по всей кроне, и ниспадала в бетонную чашу у основания ствола.

Здесь же, в парке, находилась и дом-усадьба самого Петра Васильевича. Устроенный в стиле "классицизма" деревянный дом с мансардой, террасой, колоннами и балконом был украшен такой витиеватой резьбой, что казался завернутым в изящные кружева.

Во дворе бил фонтан, а рядом - аккуратнейшие кусты сирени. Все обнесено дощатым забором с большими воротами. А вокруг усадьбы - сплошные березы. По всей Михайловской роще были расставлены вдоль тропинок живописные резные деревянные скамейки, на которых можно было отдохнуть.

В роще, на деньги Михайлова П.В. была построена и деревянная церковь, сгоревшая в пятидесятые годы. Дача Михайлова в советское время использовалась под пионерские лагеря, а потом разрушилась до основания.

Во время войны на окраине рощи, в казармах Северного городка разместился эвакуированный в Томск подшипниковый завод. И Михайловские березы пришлось срубить, чтобы построить цеховые перекрытия, сделать фундаменты под тяжелые станки. Весной все поляны в роще были заняты под посадки картофеля. Можно сказать, что Михайловская роща спасла заводские семьи от голода. Сейчас роща беспорядочно заросла кленами, черемухой и тополями и, хотя по статусу это ботанический памятник природы, состояние ее признается, к сожалению неудовлетворительным.

Сейчас Михайловская роща – это место семейного отдыха горожан. Летом здесь можно погулять, зимой - покататься на лыжах, она красива во все времена года.

*Купец Михайлов П./ реферат учащихся школы
№15,-Томск,2003.-10с.*

Сосулин

Недалеко от Ушайки был возведен целый ряд построек для заводов мыловаренного, свечного, кожевенного и помещения для рабочих, а их было здесь до тысячи человек. И все же больше, чем заводами, сосулинская усадьба славилась своим садом и церковью во имя Апостола Стефана. Считалось, эта церковь построена по проекту Батенькова Г.С., но, возможно, ее автором являлся томский архитектор К. Н. Еремеев. В любом случае, - это было удивительно красивое деревянное строение, небольшое, вначале в ранге часовни, затем освящено, как храм. Двухэтажный дом хозяина с узорчатыми карнизами, остроконечными башнями, террасами возвышался над Ушайкой. С северного балкона лестница вела в сад, равного которому по красоте и разнообразию насаждений не было, по мнению очевидцев, нигде в Сибири. Гости могли любоваться оранжереей и теплицей, в которых выращивались цветы, ананасы, виноград, лимоны, апельсины, персики, не говоря о яблоках, грушах. В усадьбе был устроен фонтан, грот, беседки, летом купальня для гостей, горы для катания зимой. Хозяева сосулинской усадьбы были хлебосольными, и для удобства от этой дачи до сосулинского дома в городе (ныне пр. Ленина,66) пролегалла благоустроенная, озелененная и освещаемая по ночам фонарями дорога. Родственница Сосулина госпожа Отопкова не пожелала жить среди непрерывного шума и развлечений, и по ее желанию близ Степановки, под горой, Г.С.Батеньков выстроил ей хорошенький особняк и окрестил его названием «Тетушкин каприз». Здесь же, на берегу Ушайки, Сосулин подарил Г. С. Батенькову земельной участок, и тот вскоре возвел на нем какую-то оригинальную постройку из плах с набитою между ними соломою, отчего и произошло название дома - «Соломенный хутор». Помещение для кур Батеньков назвал «Куро-петуховский замок». Здесь, в этих местах и прожил Батеньков последние годы пребывания в Томске, ведя скромный образ жизни. В компании с Сосулиным купец Лучшев выстроил винокурный завод, названный Гаврило-Степановским (соединением имен Батенькова и Сосулина). В 1860 году Сосулин продал землю конезаводчику Илье Фуксману. Красавец-дом сгорел, а заводы были разрушены наводнением. К нашим временам ничего не осталось от той жизни, все разрушилось, но купец Степан Сосулин, благодаря своей даче, остался в биографии города навсегда. В настоящее время Степановка перестала быть только дачным местом. Она вошла в черту Томска 2 марта 1962 года. К старым частным деревянным постройкам поселка прибавилось большое количество жилых пятиэтажных, девятиэтажных домов. В 1925-1926 г.г. Степановку, тогда еще только начинающую застраиваться частными домами, пытались переименовать в хутор Батеньковский, но до сих пор сохранилось прежнее название Степановка-бывшего пригорода, а ныне одного из старых районов Томска.

Школьная биб-ка и краеведение. / Сост. Т. И. Медведева. – Томск: Твердыня, 2002-84 с.

Приобретя на рубеже 40-50-х годов участок земли недалеко от Томска в живописном месте на берегу Ушайки и назвав его Степановкой, С.Сосулин устроил там усадьбу с прекрасным садом оранжереей, а также кожевенный, сально-свечной и мыловаренный заводы. Сын хозяина Николай Сосулин сам управлял заводами, заботился о качестве выделки изделий, интересовался европейскими нововведениями. Продукция сосулинских заводов — кожи, бродни, сапоги, хомуты, а также ядровое мыло и свечи — поставлялась, кроме местного рынка, в Кяхту, Красноярск, Енисейск. И все же больше, чем заводами, сосулинская усадьба славилась своим садом и церковью во имя апостола Стефана. Храм представлял собой в плане четырехугольный крест, был обильно украшен иконами, выписанными из столицы. Рядом возвышался над Ушайкой дом с узорчатыми карнизами, фонарями и башенками. Южный его фасад выходил на реку, а с северного балкона лестница вела в сад, равного которому по красоте и разнообразию насаждений не было, по мнению очевидцев, нигде в Сибири. С сосулинским садом обычно сравнивали сад Горохова или Асташева, но к

концу 50-х годов гороховский сад без должного ухода захирел, асташевский же был малодоступен для томичей. А хозяева сосулинской усадьбы были хлебосольными, гостей привлекали также хорошо устроенная купальня, рыбная ловля, прогулки, даже дорога, которая от городского дома Сосулиных до самой Степановки была освещена керосиновыми фонарями. Большая по тому времени редкость. В иные дни приглашали в сосулинскую усадьбу и простонародную публику, чтобы дать полюбоваться оранжереей и теплицей, где выращивали цветы, ананасы, виноград, лимоны, апельсины, персики, не говоря о яблоках, грушах, сливах, малине и других ягодах. Цветы, зелень, овощи и фрукты даже продавали в особой лавочке при городском доме хозяев. Желая распространить культуру овощеводства и садоводства, Сосулины принимали мальчиков для обучения у опытного специалиста по садоводству. Однако довольно скоро процветающее хозяйство Сосулиных перестало быть таким. Умер хозяин, а наследники его, как это случилось с томскими потомками золотопромышленников Поповых, не смогли вести дела столь же успешно.

Томск: История города от основания до наших дней. / Под ред. Н. М. Дмитриенко. – Томск. – Изд-во ТГУ. – 1999. – 430 с.

Тецков

Купечество старого Томска славилось не только своими торговыми и промышленными предприятиями, разнообразием производимых и продаваемых товаров, но и той ролью, которую оно играло в самоуправлении и общественной жизни города. Как правило, купцы занимали пост городского головы, составляли большинство гласных городской думы, возглавляли многие общественные и благотворительные организации. Среди тех, кто внес особенно заметный вклад в развитие Томска, нельзя не отметить предпринимателя Дмитрия Ивановича Тецкого (1810-1882).

Он был крупным судовладельцем, одним из зачинателей парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне, имевшего большое значение для снабжения города и губернии всевозможными промышленными товарами. Тецков четырежды (!) избирался томским городским головой (возможно, это рекорд). Именно ему довелось возглавить органы местного самоуправления после введения Городового положения 1870 г.

В отличие от многих известных купцов, приехавших в наш город из-за Урала, Дмитрий Тецков принадлежал к коренным томичам, причем с давней местной родословной. Вполне возможно, кто-то из его предков пришел в Сибирь еще с дружиной Ермака. Профессор В. М. Флоринский, приехавший в Томск в 1880 г., не без иронии писал в своих воспоминаниях: «Тецков отрекомендовался мне чуть не потомком самого Ермака». Однако ирония мемуариста в данном случае напрасна: Дмитрий Иванович действительно интересовался своими корнями, в его семье бережно хранились старые фамильные документы. Точно не известно, когда Тецковы обосновались в Томске. Но доподлинно установлено дореволюционным историком-краеведом К. Н. Евтроповым, что уже в 1701 году здесь жил и владел недвижимым имуществом (скорее всего, домом) отставной казак Алексей Клетсков. Потом эта фамилия трансформировалась в «Кетсков», а еще позднее — в «Тецков». Такая трансформация была нередкой в те времена. Изменился и сословный статус Тецковых: они перешли в сословие мещан, в котором числилось большинство населения города. Неизменной, однако, оставалась приверженность этого рода старообрядчеству с характерными для него заповедями бережливости, трезвости и трудолюбия. Из старообрядцев вышли многие русские предприниматели. Приобщился к коммерции и отец будущего городского головы Иван Тецков, который вел небольшую розничную торговлю, для чего держал лавку в торговых рядах.

Родился Дмитрий Тецков 20 октября (1 ноября по новому стилю) 1810 года. В детстве, да и впоследствии, не получил никакого образования («В грамоте не далек», - отмечал про него В. М. Флоринский). Но все же читать и писать умел. Тогда и это было неплохо. Некоторые именитые купцы вообще не могли расписаться. И не удивительно: выходили они, в основном, из низших сословий, из простого народа, в массе своей неграмотного. Недостаток образования часто с лихвой восполнялся практическим опытом, приобретенным с детства в родительской лавке или службой в «мальчишках» и приказчиках. При наличии природных способностей, деловой сметки такая «школа» нередко открывала путь к будущему предпринимательскому успеху. По всей видимости, прошел ее и Дмитрий Иванович, с ранних лет помогая отцу в лавке. Повзрослев, он сменил его во главе торгового дела.

В 1840 году он перешел из мещанского сословия в купеческое, став сначала купцом 3-й гильдии, о чем свидетельствуют документы, сохранившиеся в Томском областном архиве. Как и полагалось в таких случаях, Тецков объявил свой капитал — 2400 рублей серебром. Вскоре ему удалось значительно расширить масштабы торговых операций. Этому во многом способствовало то, что в том же 1840 году он стал представителем (комиссионером) Российско-Американской компании, занимавшейся — при поддержке правительства — освоением островов в Тихом океане и Русской Америки. Его деятельность в этом качестве (закупка и доставка товаров для компании и исполнение разных деловых поручений) продолжалась более 20 лет и принесла ему не только «хорошие деньги», но и первую на-

граду — золотую медаль с надписью «За усердие» на Станиславской ленте.

Главным делом Д. И. Тецкого было речное судоходство, тесно связанное с торговлей. До постройки Транссибирской железнодорожной магистрали основным торговым путем, связывавшим Сибирь с Европейской Россией, являлось речное сообщение между Тюменью и Томском. В сороковых годах XIX века среди других по этому маршруту курсировало и небольшое парусное судно Тецкого (и, возможно, не одно). С начала 50-х годов в Обь - Иртышском бассейне становится регулярным паровое судоходство, и Дмитрий Иванович был одним из его пионеров.

Вместе с тремя иногородними купцами он составил пароходную компанию «Опыт» для перевозки грузов между Томском и Тюменью. Они заказали в Бельгии железный пароход мощностью в 100 лошадиных сил, получивший название «Ермак». За навигацию этот пароход совершал четыре-пять рейсов, перевозя до двухсот тысяч пудов грузов. Через несколько лет в компанию вступил еще один судовладелец с двумя пароходами, фирма стала называться «Полюза» и на какое-то время практически монополизировала перевозку грузов в этом направлении. Однако в 1860 году эта компания распалась. Тецкову при разделе ее имущества по жребию достался пароход «Иртыш» (50 л.с.), и он стал действовать самостоятельно.

В том же году в Тюмени для него был построен шестидесятисильный пароход «Дмитрий». В дальнейшем его пароходство стало одним из крупнейших в Сибири, насчитывая три парохода с суммарной мощностью 205 л.с., шесть барж, несколько лодок и три пристани с пакгаузами — в Томске, Тюмени и Ирбите. Годовой оборот пароходства составлял 90 тысяч рублей. Кроме того, уже в начале 70-х годов купец 1-й гильдии Д. И. Тецков (в 1859 г. он перешел - во 2-ю гильдию, а в 1864 г. — в 1-ю) имел в Томске маслобойный и дубо-толчный завод с паровым двигателем, четыре лавки, три каменных и один деревянный дом. В одном из принадлежавших ему домов, по некоторым данным, была гостиница «Сибирское подворье». Таким образом, благодаря своей настойчивости и целеустремленности Дмитрий Тецков выбился в круг довольно состоятельных людей. Но богатство отнюдь не затмевало для него другие интересы. По натуре своей он был, как говорили когда-то, общественным человеком, равнодушным к нуждам родного города и края. Дмитрий Иванович пользовался большим авторитетом и даже популярностью в Томске. Конечно, и внешность его к тому располагала: он имел весьма внушительную, мощную фигуру и обладал огромной физической силой (по свидетельству К. Н. Евтропова, поднимал двадцатипятипудовую чугунную бабку для забивания свай). Однако главное заключалось все же в его внутренних качествах. Тецкого знали как человека глубоко верующего, трудолюбивого и честного.

Будучи малограмотным, он отличался незаурядным практическим умом, богатым жизненным опытом. В его характере открытость, простодушие и сердечность удивительно сочетались с твердостью и непреклонностью: не любил скрывать правду, всегда говорил начистоту, невзирая на лица. Неоднократно горожане оказывали доверие Дмитрию Ивановичу, избирая его на различные должности. Еще в 1839 году он стал старостой мещанского общества. Правда, исполнял эти обязанности недолго, потому что вскоре перешел в купеческое сословие. С 1846-го он состоял членом так называемой Шестигласной думы. В полной мере Дмитрий Тецков проявил свои качества и способности как городской голова Томска. Впервые он занимал этот пост в 1864-1866 годах, а затем переизбирался еще на два трехлетия. Едва начался третий срок, как последовало Городовое положение 1870 года, по которому органы городской власти получили иной, более высокий статус. Состоявшиеся после этого новые выборы городского головы (на срок с 1871 по 1874 год) вновь закончились победой Тецкого.

Возглавляя местное самоуправление, Дмитрий Иванович немало сделал для города. По его инициативе был перестроен гостинный двор, возведены новые торговые корпуса на Базарной площади, открыто несколько школ. Большая заслуга принадлежала ему в укреплении Общественного Сибирского банка в Томске (он в течение ряда лет являлся заместителем директора банка, а в 1864-1871 годах — директором). Тецков пресек имевшиеся в

нем злоупотребления, упорядочил его операции. Кстати, с банковским делом он был связан еще и как член учетных комитетов Томского и Ирбитского отделений Государственного банка.

Много времени, сил и нервов отдал Дмитрий Иванович сооружению Троицкого кафедрального собора в Томске. Входя в состав комитета по постройке собора, Тецков один относился к своим обязанностям «с полнейшей честностью и благородством». Он часто бывал на стройке, вникая буквально во все до мелочей. Очень переживал из-за организационных неурядиц, неоднократно протестовал по этому поводу в комитете. Одно из его заявлений К. Н. Евтропов характеризует как «воплъ возмущенной беспорядками благородной души». Показателен такой эпизод. Как-то строители собора пожаловались "Тецкову, что не получили вовремя денег. В ответ они услышали: «...Зачем же вышли вы на работу, не работали бы, скорее выдали бы вам деньги; у меня работает 150 человек, и я им всегда в срок выдаю деньги и кормлю их». На общественные нужды направлялась, видимо, и немалая часть тецковских доходов, хотя суммы его пожертвований на различные цели точно не известны, может быть, потому, что он «не любил делать это напоказ, из тщеславия. Тецков жертвовал средства на Троицкий собор, бесплатно доставлял на своем судне железо для этой стройки, соорудил красивую часовню над родником на Каштаке, перед смертью завещал часть своего капитала на постройку придела в одной из томских церквей. Являясь членом попечительного комитета Мариинской женской гимназии и почетным блюстителем Юрточного приходского училища, он оказывал материальную помощь этим учебным заведениям. Состоял также членом «попечительного комитета о больных и раненых воинах».

Активная предпринимательская и общественно-благотворительная деятельность Дмитрия Ивановича была отмечена четырьмя «высочайшими» наградами — золотыми медалями на Станиславской, Аннинской, Владимирской и Александровской лентах. Чтили его заслуги и в Томске. Один из переулков города (ныне Кооперативный) назывался Тецковским. В 1869 году ему был торжественно вручен благодарственный адрес от купеческого, мещанского и цехового обществ Томска. Когда закончилась его деятельность в качестве городского головы, большая группа гласных думы предложила присвоить Тецкову звание почетного гражданина Томска и навсегда закрепить за ним почетное место в думе по правую руку городского головы, а в зале заседаний повесить его портрет. Увы, новый состав думы сначала отложил рассмотрение этого предложение, а потом... об этом забыли. Дмитрий Тецков оставался гласным городской думы. Однажды, когда обсуждался очень волновавший его вопрос о Троицком соборе, он не выдержал, вспылал (впрочем, не сильно), за что был лишен права голоса, покинул свое «депутатское» место и пересел на скамью «для публики». Видимо, после этого он отошел от общественной деятельности.

В октябре 1882 года Дмитрий Иванович скончался. Смерть его прошла как-то мало заметно. Над его несовершеннолетними детьми было учреждено опекуновство. Ходили слухи, что состояние Тецкова было во многом разворовано «опекунами». Вскоре его вдова с детьми уехала из Томска в Москву. Безжалостное, неумолимое время грозит забвением и добрых дел Дмитрия Ивановича Тецкова. Не допустить этого — наш долг.

Разумов О.

Сибирский самородок // Сибирская старина. — 1993. - №3. — С.16.

Дмитрий Иванович Тецков (Тецкой) (1810-1882) — потомственный томич, из мещан, в 1840-м получил свидетельство купца III гильдии, в 1859-м - второй, а в 1864 г. — первой. Четырежды с 1864 по 1875 избирался городским головою, был директором Сибирского общественного банка (1864-1871), председателем городского сиротского суда (с 1864), директором губернского попечительного о тюрьмах комитета (с 1852). Активная предпринимательская и общественно-благотворительная деятельность Д.И. Тецкова была отмечена четырьмя золотыми медалями — на Станиславской, Аннинской, Владимирской и Александровской лентах. Один из зачинателей парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне

(совладелец трёх пароходов), владелец маслобойного и скорняжного заводов, многих лавок, постоянного двора «Сибирское (Тецковское) подворье» (ныне гостиница «Северная»). Сферой приложения его капитала была и золотопромышленность. Один из его домов — на углу пр. Ленина и Кооперативного пер., отсюда и мотивировка старого названия. Дом по переулку, напротив, в последнюю четверть XIX в. принадлежал елабужскому купцу Н.Д. Стахееву. По его фамилии ещё до официального наименования 1877/78 гг. и в течение 10-12 лет после него переулок называли Стахеевским. Возможно, ещё и потому, что Тецков не всегда был популярен в городе в должности головы. Ведь именно он способствовал присвоению звания почётного гражданина тогдашнему губернатору Г.Г. Лерхе, при попустительстве и прямых противозаконных действиях которого уровень преступности в Томске достиг небывалых «высот». А закупками некачественного хлеба для неимущих нанёс ущерб, как общественной казне, так и бедноте. Но к безусловным достижениям правления Тецкова следует отнести мощение улиц и открытие двух начальных школ.

История названий томских улиц. / Под ред. Г. Н. Стариковой – Томск.: Водолей, 1998. – 320 с.

Д. И. Тецков (1810—1882) не был типичным томским купцом, так как долгое время, около 20 лет, служил комиссионером (доверенным лицом) Российско-Американской компани. Он имел хорошие связи в среде местного чиновничества, часто уполномочен был перевозить грузы компании, нанимать для неё приказчиков и экипажи судов. Не желая упускать своей выгоды от доставки грузов компании, Д. И. Тецков строил за свой счет суда и, набрав команды, отправлял их в разные города Западной Сибири.

Капиталы, накопленные Д. И. Тецковым в торговле и на транспорте, возможность выполнять самому заказы по перевозке грузов Российско-Американской компании, более тесные связи с местными чиновниками, чем у большинства купцов, — все это помогло стать Д. И. Тецкову одним из первых пароходчиков в Западной Сибири и первым пароходоладельцем в Томске. К середине XIX в. относится начало пароходного сообщения в Западной Сибири. Открытие пароходства совпало с периодом, когда заметно оживилась торгово-промышленная жизнь края.

В 1852 г. томский купец Тецков, селенгинские купцы Марьин и Кондинский и иркутский Хаминов составили компанию "Опыт" для перевозки грузов между Томском и Тюменью. Они заказали в Бельгии железный пароход со 100-сильным двигателем, который в 1853 г. был собран в Тюмени, получил название "Ермак" и с 1854 г. начал свою работу. "Ермак" делал за навигацию 4—5 рейсов между Тюменью и Томском, перевозя 200 тыс. пудов груза. Пароход компании Тецкова "Ермак" с железным корпусом и мощной машиной поднимал на себя за один раз 40 тыс. пудов, обладал большой скоростью и делал за сезон до 5 рейсов, что давало в сумме показанные в отчете 200 тыс. пуд. Однако здесь не учтена доставка грузов на обратном пути. Если это сделать, то получим итоговую цифру в 400 тыс. пуд.

Томское купечество в конце XVIII – XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск.: Водолей, 1996. – 320 с.

Фуксман

Илья (Илиот, если правильно) Фуксман был человек в городе весьма известный, равно как и его многочисленные родственники. Фуксманы занимались много чем: владели по всей губернии кожевенными и пивоваренными заводами, паровыми мельницами, сам же Илья Фуксман занимался еще и разведением лошадей, для чего купил под пастбища нынешнюю Степановку у купца-винооторговца Сосулина. Кстати, винооторговцем ему тоже хотелось стать, одна беда: российское "демократичное" законодательство запрещало спаивать народ предпринимателям-евреям (русским можно). Так что пришлось Фуксману окрестить сына в лютеранство и уже на его имя купить винный заводик. Купив же заводик, Фуксман прославился в городе и вовсе неблагоприятными делами: принял участие вместе со своими русскими коллегами в "винной стачке" томских предпринимателей в 1888 году, или, говоря проще, в организованном повышении цен на водку раза в два. Суд был суров и справедлив - зачинщиков, в том числе и нашего домовладельца, посадили на полгода (первая судимость тогда не влекла серьезных последствий, наказание было "профилактическим"). Однако конфискации имущества по приговору не последовало, так что, отсидев, купцы вернулись к своим делам. Тогда-то, где-то в 80-е годы прошлого века, и купил Фуксман усадьбу Кандинского. Должно быть, к этому времени домовладение пришло в упадок, хозяйский дом обветшал, не говоря уж о домике, где некогда жил Потанин. Так что новый хозяин решил все постройки снести. На их же месте был выстроен большой и, говорят, красивый дом с мезонином. Не каменный, как многие постройки на Миллионной, а деревянный: должно быть, хозяина все же поразорило штрафами родное государство. Позже специалисты говорили, что декор дома (то, что мы в обиходе называем деревянным кружевом) был прямо-таки уникальным. Надо думать, на архитектуре купец не экономил. Так стал жить на углу Почтамтской и Монастырского новый хозяин со своей большой семьей. Кстати, часть этой семьи каким-то образом пошла по стопам прежнего жильца, "карбонария" Потанина: во всяком случае, в городе ходили упорные слухи о том, что дочери Фуксмана, благодаря капиталам батюшки ежегодно отдыхающие на Ривьере, встречались там с разными революционерами (последние, как известно, в эмиграции очень любили отдыхать на курортах от борьбы за правое дело). Социалисты снабжали барышень нелегальной литературой, которой те набивали узлы и баулы. Естественно, о таможенном досмотре дочерей купца первой гильдии, известного и за границей, не могло быть и речи... Фрондерство дочерей не спасло Фуксмана от революции. Дом его был конфискован, хозяин сгинул, и явился новый победивший пролетариат. Нет, новый хозяин дом снес далеко не сразу: в этом живописном здании, которое, правда, почему-то решили выкрасить странной розово-красной краской, долгое время располагались мастерские томских художников. Они, художники, должно быть, и спасали дом от разорения, убеждая власти в уникальности архитектуры и декора фуксмановского особняка. Однако в 60-е годы особняк все же решили снести, а на его месте выстроить гостиницу, что и было сделано. Уникальность ее архитектуры и декора, надо полагать, оценят далекие потомки. А не оценят, так снесут и выстроят что-нибудь еще - долго ли?

Сазонова Н.

«Сибирь», которую построил... // Все для вас.

– 2000. - №200. – С.11.

Хамитов

Детство будущего миллионера прошло в забытой богом сибирской деревне. Отец, обстроившись на новом месте, стал типичным для этих мест крестьянином-середняком - трудолюбивым, прижимистым и очень любящим свою землю, на которой он был готов трудиться от зари до зари. Однако двое старших сыновей - Хамза и Карим, - вопреки всем его ожиданиям, не разделяли этой любви. Мальчишек тянуло к учебе, и, в конце концов, отец отправил Хамзу учиться в Бухарское медресе, по окончании которого он стал муллой Красной мечети, главой мусульман Томской губернии. Карим оставался дома до одного происшествия. Отец послал его в лес за дровами. Хоть и зима, а дело привычное. В этот же раз работа не заладилась. И мороз сильный, и снег глубокий, и рубить было тяжело. Когда уже были готовы два воза дров, в снег улетел топор. Топор - большая ценность, без него домой нельзя возвращаться. Карим долго искал его и, отчаявшись, с одних саней сбросил уже уложенные дрова, лег навзничь и бросил вожжи. Лошади пошли домой по знакомой дороге. Добрались до реки, и тут у проруби деревенская женщина, увидев странную процессию, подняла крик: "Дъепарье" (Дух леса)! Сбежалась вся деревня. Карима, пострадавшего от Духа леса, унесли в дом и пригласили местного знахаря. Карима вылечили, топор нашли, но отец, боясь за здоровье сына, отправил его в город учиться. Учеником Карим оказался замечательным. Умный, старательный, часами он сидел над книгами. В медресе, где он учился, особые способности обнаружил к языкам: арабскому, турецкому, фарси, урду, русскому и татарскому. Весть о необыкновенных способностях юноши распространилась далеко за пределы города - со всех сторон ему стали поступать просьбы о переводах. Молодой воспитанный человек стал желанным гостем в богатейших домах Томска. Казалось, безбедное будущее ему обеспечено, но Карим мечтал о лошадях и копил деньги. Определенное положение в обществе, небольшой капитал дали ему возможность задуматься о женитьбе, и он заслал сватов к богачу Вахитову просить руки его дочери. Что произошло между ними, сказать трудно, но Вахитов, очень рассерженный, с семьей уехал в Семипалатинск, оставив в Томске только сына Латыпа (друга Карима). А оскорбленный до глубины души Карим стал искать богатую невесту, чтобы доказать, что знания - тоже капитал и не малый. Вскоре он женился на богатой невесте Гайше. Ее отец увидел в молодом красивом человеке огромный ум, предприимчивость, умение работать, понял, что его деньги будут преумножены, и не ошибся. Карим занялся разведением племенных лошадей. И вскоре стал одним из самых богатых людей в губернии. У Гайши было слабое здоровье, после рождения дочери Шафиги она настолько разболелась, что не покидала своей комнаты. Был найден компромисс: в семью пришла вторая жена - Махмуза. Брак не задался, и через несколько лет они расстались. Красавица Махмуза вышла замуж за друга Карима - Мурзу Аплина, золотопромышленника. Кариму Аминовичу пришлось снова искать себе жену. К этому времени от болезни умерла Гайша, ненадолго пережив свою дочь Шафигу. Он сосватал Мутагару - дочь своего лучшего друга Латыпа Вахитова (Л. Вахитов торговал с Китаем). Счастье пришло в дом. Девять детей родилось в семье: Шейхулла, Хамит, Марьям, Хадича, Нафиса, Газиз, Мунира, Нурия, Газиз. В 1906 г. Карим начинает строить для семьи дом, настоящий дворец, оконченный только в 1910 году. Вот как описывает его Хадича, одна из дочерей Карим - бая, живущая сейчас в Ташкенте: "В доме было двенадцать комнат. Большой зал и гостиная выходили окнами на улицу, а между ними располагалась арка с большими колоннами и изящно вылепленными карнизами. Стены комнат были обиты узорчатым шелком. В зале стояла белая мебель с позолотой, а в простенках между окнами располагались большие зеркала. Гостиная была выполнена в цвете бордо. Темно-красные стены, такая же мебель, а на полу пушистые мягкие ковры. На камине часы в позолоченном футляре с инкрустацией из драгоценных камней. С правой стороны просторной передней была дверь в комнату старшей и любимой дочери отца Марьям. В одной из больших комнат на потолке было изображение времен года изумительной красоты, стены же столовой были отделаны дубовыми панелями, посередине стоял большой дубовый стол, вокруг такие же

стулья, а вдоль стен зеркальные шкафы, в которых стояла серебряная и фарфоровая посуда. Были еще комнаты сыновей, кабинет Карима, кухня, ванная и комната для прислуги. Вокруг дома располагался сад, с небольшим фонтаном, беседкой, цветочными клумбами и бродящими между ними павлинами. Под домом же находились громадные подвалы с выложенными кирпичом стенами и сводчатыми потолками. Использовали их как складские помещения". Прекрасный дом, чудесная семья, хорошие друзья (Е. Кухтерин, Л. Вахитов, Ф. Мухтаров, М. Аплин), общественное признание (Карим Аминович - гласный избранный депутат городской Думы), удача в торговых делах: поставки лошадей в русскую армию во время русско-японской войны сделали его миллионером. Казалось, ничего не предвещало беды, но грянул 1917 год: свержение самодержавия, Октябрьская революция, Гражданская война. Вначале правительство Керенского, а затем колчаковцы. Забрав лошадей из табунов Хамитова, они не рассчитались. Семья была разорена. Карим Аминович, переселившись с семьей во флигель, договаривался с управлением железной дороги о продаже дома за пуд золота и вел переговоры с властями о возмещении ущерба. Поправить дела он не успел. 31 августа 1919 года Карима Аминовича не стало. Домашний доктор Дмитриевский констатировал кровоизлияние. На похороны Карим - бая собрались не только его многочисленные родственники, обитатели татарской слободы, но и многие жители окрестных деревень. Карим Хамитов запомнился раздачей денег беднякам, строительством водонапорной башни, светской школы для татарских детей. Жена Мутагара Латыповна стала белой, как мел, и не удивительно, ведь она осталась одна с восемью детьми, практически без средств к существованию. Жизнь семьи превратилась в сплошной кошмар. В доме расположился штаб одной из колчаковских частей. Мать беспокоилась за детей. Фаттах Мухтаров, муж двоюродной сестры, пожалел Мутагару и предложил переехать в свой дом (Татарская, 16). В этом доме женился Шейхулла, старший сын, на дочери Ч. Аплина Магиджамал, вышла замуж дочь Хадича за Г. Сайдашева. В 1923 г. с младшими детьми Мутагара Латыповна уехала из Томска. Сыновья Карим - бая отслужили в Красной Армии. Шейхулла Каримович стал учителем. Деревня Серебряково, Красноярск, Анжеро-Судженск, Черногорск... Прекрасный учитель, владеющий русским, татарским, немецким, французским языками, вынужден был часто менять место работы из-за своего социального происхождения. В возрасте 35 лет он умер. Хамит Каримович пошел по стопам отца. Во времена нэпа он занимался закупкой лошадей для Красной Армии. Жил он с семьей в Барнауле. Однажды Хамит, имея при себе крупную сумму денег, отправился на лыжах по району закупать лошадей и не вернулся. Не нашли его ни живого, ни мертвого. Что касается дома Карим - бая, то он стоит на том же месте. Во времена Советской власти в нем располагались детский дом, общежитие татарского педтехникума, реставрационные мастерские. Сейчас здесь Центр татарской культуры. Усадьба в очень запущенном состоянии. Жаль, что от бывлой красоты почти ничего не осталось.

*Моя малая Родина (Из истории Заистока):
Сборник материалов. Вып. 2 / Сост. Л. В. Му-
равьева, Н. Г. Савельева. – Томск: Изд-во Том.
ун-та, 2002. – 89с.*

Очень многим томичам хорошо известны имена купцов Кухтерина, Егорова, Голованова. А ведь татарский купец Карим Хамитов тоже сделал для Томска и области немало полезного и доброго. Его полное имя Карим Мохаммедаминович Хамитов. В народе же он был известен как Карим - бай или Карим - богач. Однако таким он стал только в начале нынешнего века. В Томской губернии Хамитовы обосновались в 1876 году в Серебряковке, где им выделили землю. Однако Кариму хотелось уйти в город, была у него мечта выучиться, стать большим человеком. Начал он с малого. Работал у купца переводчиком документов (хорошо знал арабский, турецкий, персидский, не говоря уж о татарском русском языках). Первой покупкой, которую он сделал на заработанные деньги, был конь. Его любовь к

животным проявилась с раннего детства. У ныне живущих потомков сохранились книги в тисненых переплетах, по которым Карим изучал породы лошадей, уход за ними. Лошади всегда оставались пожизненной страстью Карима Аменовича Хамитова. У него был один из лучших конезаводов губернии, поставлявший лошадей для армии. Томская артиллерийская часть, располагавшаяся в военных кирпичных казармах «Южного городка» (потом в них разместился теперешний завод режущих инструментов), всегда укомплектовывалась хамитовскими лошадьми. Вот их характеристика: «Средний рост от 150 до 156 см, обхват подпруги-179-188 см, обхват пястья - около 22 см. Голова большая, но не сырая. Корпус широкий, спина прямая с хорошей поясницей; круп высокий и несколько опущенный. Ноги костисты, сухи, прочны, с крепкими сухожилиями. При своей мощности лошадь подвижна, имеет хорошую рысь. Грузоподъемность можно охарактеризовать тем, что лучшие лошади хамитовского завода по зимнему пути везли 345 пудов, это 5,6 тонны». Можно представить, что артиллерийские упряжки легко транспортировали и пушки. Поэтому особо ценили томские извозчики эту породу, составлявшую славу Карим - бая. Когда строили Западно-Сибирскую железную дорогу, потребовалось большое количество леса для шпал. Раскорчевали 1200 гектаров. Лошади, перевозившие лес, содержались именно на этом участке. Позднее, в 1895 году, участок купил Хамитов и содержал там более тысячи голов. Это были крепкие лошади, пригодные для выживания в самых суровых условиях Сибири. Содержать конезавод, обеспечивать отменной «тягловой силой» армию и ямщиков мог только человек, обладающий талантом изумительного понимания лошадей. Окажись мы в татарской слободе начала века и задай вопрос: «Кто такой Карим — бай?», ответ прозвучал бы примерно так: «Купец второй гильдии, конезаводчик и меценат». С его помощью была открыта мечеть, четырехклассная русско-татарская школа, частная женская гимназия. В 1905 году открылось магометанское третье имени Хамитова мужское училище (Татарский пер., 14). Это здание построил на свои средства Карым Хамитов. Заведующий училищем, З. Ш. Новрузов, учителем по русским предметам В. И. Репьев. С 1909 года в этом училище работали вечерние классы для взрослых мусульман. В январе 1910 года открылось там же Магометанское женское училище Новрузовой Ф.. В этом же здании занимала две комнаты редакция мусульманской газеты «Сибиряк». Вкладывал Карим Хамитов капитал и в строительство водонапорной башни, снабжавшей центр города и Заисточье. Очень интересен такой факт. В семейном архиве Хамитовых есть завещание Карим-бая, согласно которому он оставлял деньги на сооружение моста через Томь. Поставить его просил через 50 лет после его смерти. Но, вероятно, самой памятной заслугой Хамитова остается его труд по улучшению и выращиванию местных пород лошадей для нужд русской армии и для строительных работ. Коневодство прервалось с приходом Гражданской войны. Колчаковцы забрали почти всех лошадей Хамитова. Позже семья лишилась своего замечательного дома по улице Королевской (ныне улица Горького, 35). Это миниатюрный дворец с колоннами, лепными украшениями и монументальным крыльцом. Дом является памятником архитектуры местного значения, сейчас это здание занимает татарский центр культуры. А мы должны помнить, что жил здесь настоящий труженик, мечтатель, меценат татарский купец Карим Хамитов.

Школьная биб-ка и краеведение. / Сост. Т. И. Медведева. – Томск: Твердыня, 2002-84 с.

Его полное имя Карим Мохаммедамин углы Хамитов. Поселившись в Томске мальчишкой, он прожил в районе Заистока всю свою сознательную жизнь, пока не умер в 1919 году. Торговля лошадьми, особенно поставки их царскому двору, принесла Хамитову немалое состояние, что и позволило ему обрести своеобразный титул и называться Карим-баем, то есть богачом Каримом. Это же состояние дало возможность возвести на улице Большой Королевской (ныне имени Максима Горького) комплекс домов, до сей поры именуемый домом Карим - бая. Созданный в Томске в прошлом году татарский культурно-просветительный центр «Туганлык» не мог не заинтересоваться этой крупной личностью и

судьбой его семьи. Авторы этих строк взялись написать хотя бы несколько страниц биографии земляка. Понятно, что основные вопросы в таком исследовании сводятся к тому, кем был наш герой для своей семьи и народа, то есть для татар и как строил взаимоотношения с окружающими, прежде всего с русскими. Знакомство с домом Карим - бая позволяет убедиться, что владелец создал прекрасные условия для супруги Мутагары и восьмерых их детей. Примечательно, что родители были строги с детьми, но зато и внимательны к ним: каждому, ребенку была приглашена отдельная няня. Сохранились фотоснимки воспитательниц с детьми Карим - бая на руках. Одну из них звали Ксенией, она была русская. Дочери Хадича и Мунира (да продлятся их годы) рассказывают, что родители были дружны с соседом Егоровым и живущим неподалеку Фуксманом. С русским промышленником Кухтериным Хамитовы были близки до такой степени, что после смерти мужчин вдовы сохранили теплые отношения: Мутагара дважды навестила Кухтерину в период пребывания ее в больнице с тяжелым заболеванием. С признательностью отзываются о бае и другие здравствующие люди из его окружения — сноха, внуки, внучатая племянница. Работникам, говорят, устраивал щедрые угощения, невестам дарил украшения. В личности Карим - бая интересного много. И, конечно, на большинство вопросов еще только предстоит получить ответы. Но об одном хотелось бы упомянуть здесь, не откладывая на потом. В 1911 году была издана книга «Город Томск», а при ней — справочник объемом семьдесят четыре страницы, в котором есть и раздел «Торговые предприятия, фабрики и заводы». Названы с указанием адресов сотни предпринимателей - томичей, чьи имена распределены по рубрикам, в том числе таким: «Конные заводы», «Ковка лошадей», «Подрядчики и поставщики». Среди предпринимателей, проживающих в Заистоке, названы и десятки татар, в частности, занимавшихся торговлей бельем, канатами и веревками, мануфактурой и мясом. Не забыты торговцы фруктами и чаем, а также портные и сапожники. В общем, всем нашлось место в справочнике — нет в нем упоминания лишь о Хамитове, при всей значительности его фигуры в кругу томского купечества. Выражаясь современным языком, похоже на то, что "Карим - бая составители справочника проигнорировали. Так ли это и почему такое случилось, возможно, найдется ответ в мусульманской газете «Сибиря», которая в ту пору издавалась в Томске. Настанет время, и мы прочитаем все, что написано в той газете. А пока успеть бы встретиться и побеседовать с очень старыми уже людьми современниками Карим - бая. Мы не историки и потому не имеем собственных собраний документов, порывшись в которых, могли бы попробовать разыскать материалы о Хамитове. С благодарностью приняли бы помощь в нашем исследовании историков-профессионалов.

*Ибрагимов Б., Самитова Н.
Загадка Карим-бая // Красное знамя. – 11.09.1991.*

Список использованной литературы

1. Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск.: Водолей, 1996. – 320 с.
2. Галкина Т. Господа Асташевы // Сибирская старина. - 1993. - №2. – С.10
3. Голубева Л. Кухтеринские спички // Томский вестник. – 1992. - №77.
4. Ибрагимов Б., Самитова Н. Загадка Карим-бая // Красное знамя. – 11.09.1991
5. История названий томских улиц. / Под ред. Г. Н. Стариковой – Томск.: Водолей, 1998. – 320 с.
6. Михайлова Н. Наследник кухтеринских миллионов // Томская старина. – 1992. - №1. – С.28
7. Морозова Н. Судьба томского герцога [Философ Горохов] //Томские новости. – 2001. –№34 – С.34
8. Моя малая Родина (Из истории Заистока): Сборник материалов. Вып. 2 / Сост. Л. В. Муравьева, Н. Г. Савельева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 89с.
9. Привалихина С. В. Мой Томск. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. - 274 с.
10. Разумов О. Сибирский самородок // Сибирская старина. – 1993. - №3. – С.16
11. Купец Михайлов П.В. / Реферат учащихся средней школы №15.-Томск, 2003. – 9с.
12. Сазонова Н. Гадаловские миллионы [династия сибирских купцов Гадаловых] // Все для вас. – 2001. - №280. – С.11
13. Сазонова Н. Иван Еренев – благотворитель до последнего рубля // Все для вас. – 1999. - №137. –С.12
14. Сазонова Н. Жизнь, отданная ...[купец Евграф Королев] // Все для вас. – 2000. – №206. – С.11
15. Сазонова Н. Быль и легенда Кухтериных // Все для вас. – 2001. - №243. – С.30
16. Сазонова Н. «Сибирь», которую построил... // Все для вас. – 2000. - №200. – С.11
17. Суздальский В. «Королевский» театр // Сибирская старина. – 1991. - №1. – С.10-11
18. Томск: История города от основания до наших дней. / Под ред. Н. М. Дмитриенко. – Томск. – Изд-во ТГУ. – 1999. – 430 с.
19. Школьная биб-ка и краеведение. / Сост. Т. И. Медведева. – Томск: Твердыня, 2002- С.84

Составитель: Нагаева З.Б.

Библиотека «Сибирская»,
адрес: г. Томск, Колхозная,9
тел: 45-48-00,